

СЕМЬЯ И

5.2010

ШКОЛА

Пафос утопии

страница

20

Дядька с мешком?

страница

2

Способный,
но ленивый

страница

10

Игры на воде

страница

37

журнал для родителей

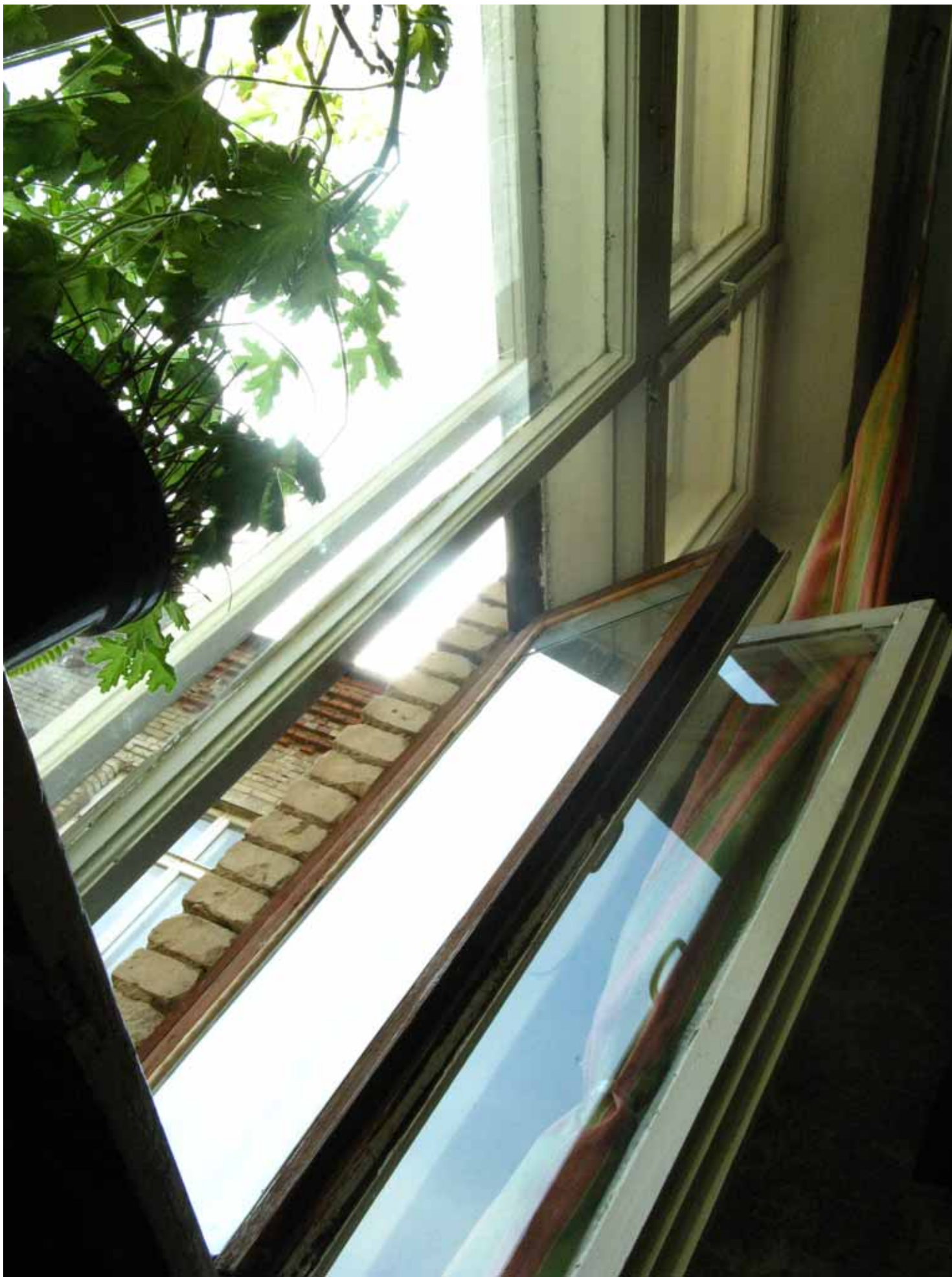

Фото Елены Боковой

7я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный
редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошек

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 5 (май) 2010
Подписано в печать 28 апреля 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 6200 экз.

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

В номере:

Советы и рекомендации

Владимир Леви

Идея Принцевна Авангардова

10

О редких именах. Может ли имя
влиять на жизнь человека? Если да,
каким образом? Что должны учиты-
вать родители при выборе имени?

Екатерина Мурашова

**Валера — способный,
но ленивый...**

14

Мальчик явно одарен от природы.
Вполне приличные условия в семье
и условия обучения. Ему интересно
«много всего». Но у него
не складывается учеба в школе
и не формируются устойчивые
познавательные интересы. Почему?

Софи Каркен

Вечерние истории

22

Дети все время задаются вопросами,
в том числе и философскими: как
жить после смерти того, кто был
тебе дорог, существует ли Бог? Как
помочь им ответить на эти вопросы?
Уместной тут оказывается сказка...

Юлия Корчагина

Трудные взрослые

27

Мы жалеем детей, злимся, раскаива-
емся, снова жалеем и снова злимся.
Даже успех, достигнутый нами
в чем-то другом, оборачивается
против, лишь подчеркивая нашу
родительскую непригодность

Повод к размышлению

Наталья Мавлевич

**Ювенальная юстиция —
дядька с мешком или человеко-
сберегающая технология?**

2

Беседа с Олегом Зыковым, членом
Общественной палаты России

Вокруг развития и воспитания

4

На обложке:

А. Дейнека «Футболист», 1932

(Читайте страницы 20–21)

Борис Бим-Бад

**Что такое
нормальное воспитание**

12

Восприимчивость детской души
к понятиям долга, долга перед собой,
перед людьми, близкими и далекими,
очень велика. Но она появляется,
когда растущему человеку помогают
укрепляться в самовоспитании

Чтение

Мариэтта Чудакова

**Александр Твардовский,
Михаил Исаковский
и Иосиф Бродский
о войне и о цене Победы**

18

Под рубрикой «Успеть прочесть»

Лия Осипова

Пафос утопии

20

В Третьяковской галерее прошла
выставка, посвященная 110-летию
со дня рождения Александра Дейне-
ки — «Работать, строить и не ныть!»

Екатерина Донец

Письмо; Ключи

Рассказы

28

Тася Крутовых

Сны наяву

32

О фильме Михаэля Ханеке
«Белая лента»

Панорама

38

Домашние занятия

Кухня

35

Такое щедрое лето

Развлечения

37

Игры в воде

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах
России получают журнал благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Ювенальная юстиция — дядька с мешком или человекосберегающая технология?

Наталья Мавлевич

Говорит Олег Владимирович Зыков

«Будешь шалить — придет Дядька с мешком и заберет!» — страшила меня в детстве нянька. Соседскую Нину пугали Бабой-Ягой. А Вовку с третьего этажа — Лизунами. Я уж давно про эти сказки позабыла, а тут вдруг все они и вспомнились: в головах взрослых тетя и дядя звучал знакомый детский страх, они боялись неведомого страшилища с грозным именем Ювенальная Юстиция...

Правда, разговор происходил не в песочнице под грибочком, а в студии одного из федеральных телеканалов. Меня вдруг осенило: может, Нинка подросла, стала вальжной тетенькой и возглавила общественную организацию, охраняющую семейные ценности? Может, Вовка отрастил бороду, принял сан и тоже защищает ценности, православные? Только детская психотравма не зажила, и вот они глядят на человека, который что-то хочет втолковать им, а видят не его — Бабу-Ягу в ступе, слышат не его — Лизунов в стенке. А мне, наверное, больше в жизни повезло: моя мама запретила няньке меня пугать, и потому теперь я вижу на экране не Дядьку с мешком, а Олега Владимировича Зыкова. Большого и усатого, но совсем-совсем не страшного.

То был не первый и не последний раз, когда эфир (то радио-, то теле-) сотрясала истерика по поводу злобной ЮЮ. И вот уже доверчивые обыватели передают друг другу: «Слыхали, что еще придумали? Вот шлепнете свое дитя по попе — его у вас и заберут!» Когда же и лучшая моя подруга заговорила про ужасы ЮЮ, у меня лопнуло терпение, и я решила пойти прямо к Олегу Владимировичу (хорошо знакомому давним читателям нашего журнала) и попробовать с ним вместе посеять немножечко разумного и доброго — вдруг да взойдет!

Итак, мой собеседник — **Олег Владимирович Зыков**, кандидат медицинских наук, член Общественной палаты РФ, президент Фонда НАН (Нет Алкоголизму и Наркомании), один из тех, кто принимает самое активное участие в разработке и внедрении системы ювенальной юстиции в нашей стране.

Я начала с того, что посочувствовала ему: это какие же надо иметь нервы, чтобы терпеть постоянные нападки, выслушивать самые дикие обвинения и знать, что никакой логикой нападающих не проймешь... Однако Олег Владимирович в ответ улыбнулся:

— К скандалам и обострению дискуссий вокруг ювенальной юстиции я отношусь положительно. Это повод для выработки оптимального решения. В конечном итоге здравый смысл восторжествует.

— Когда же наступит этот конечный итог? Сколько уже лет пылятся и никак не примется проект — да не один! — закона о ювенальной юстиции!

— Меня мало интересует федеральное законодательство. Идея: мы напишем хорошие законы и начнем по ним жить, — наивна. Так не бывает.

А бывает наоборот: меняется жизнь, и законы эти изменения закрепляют. Только тогда они работают. Законы должны закреплять нашу внутреннюю эволюцию. И сегодняшние споры о ювенальной юстиции, как ни странно, показатель того, что мы меняемся и начинаем на самом деле строить правовое государство. Большинство противников ювенальной юстиции протестуют, собственно, не против нее, а против того, чтобы жить по закону. Он им не нужен. У них есть система понятий, — или традиций, можно называть по-разному, — и они говорят: не лезьте ко мне со своим законом, со своим государством! Это можно понять. Граждане и государство долгие годы, все советское время, вдали и не доверяли друг другу. Да и потом мало что изменилось, вернее, начинает изменяться вот сейчас, и возникает вопрос: готово ли общество начать жить по законам, согласно ли, чтобы законы стали нами управлять, или будет сопротивляться этому процессу. А тут еще такая тема, которая затрагивает глубинные, биологические основы существования каждого человека: «Это подлое государство, какие-то чиновники залезут ко мне в семью и отберут моего детеныша!». Да если бы я так смотрел на вещи, я бы и сам возмутился и пошел с лозунгами «Долой!». За этим стоят вековые, ментальные проблемы нашего общества: правовой нигилизм, иждивенчество, патернализм государства. И трудно рассчитывать, чтобы развитие ювенальной юстиции было принято обществом «на ура». Люди не верят, что у нас могут быть справедливые законы, тем более такие, которые касаются самого сокровенного — семейных отношений. А пороки общественного сознания, которые я называл, всегда рожают теории коварного заговора. Это простая психология: если я так плохо живу и при этом не верю, что сам в этом виноват, значит, виноват кто-то. И я не удивляюсь, что часто меня записывают во враги русского народа.

— Ну да, живете на западные гранты, навязываете нам западные ценности, хотите отобрать и погубить наших детей!

— Мы, конечно, изучаем опыт других стран, — кстати, почему только западных? Сейчас я активно общаюсь с японцами и казахами. Казахи в позапрошлом году приняли пакет законов по ювенальной юстиции, и мне очень интересно, как она у них развивается, потому что, с точки зрения правовых стандартов и ментальных стереотипов, у нас много общего. Трудно заподозрить казахов в западности. Что же касается японцев, у них ювенальные суды появились в двадцать третьем году. В этой стране самая низкая детская преступность и самое малочисленное тюремное население, в том числе детское. Под Западом обычно подразумевают Америку, так вот американская система в этом смысле мне совершенно не нравится. Там, наоборот, самое большое тюремное население. Они ухитрились обогнать даже китайцев и нас.

— Верно ли, что ювенальная юстиция — это нечто совершенно новое для России?

— Абсолютно неверно. Везде, где есть хоть какие-то законы, есть и ювенальная юстиция. Если же говорить об отечественных традициях, то недавно было столетие открытия в России первого ювенального суда. До 1917 года у нас существовала ювенальная юстиция, именно с таким названием, причем замечательная. Она с самого начала предполагала не карательное, а попечительское направление, работу с семьей.

— Когда смотришь или слушаешь ожесточенные публичные споры, то совершенно очевидно, что собеседники называют ювенальной юстицией разные и часто взаимоисключающие вещи. Одни говорят: это когда дебила-переростка, который поцарапал мою машину, погладят по головке и поставят в угол. Другие: это когда вломятся в дом и заберут ребенка, потому что учительница в школе увидела у него синяк на коленке. Что же, в конце концов, имеется в виду под этим термином?

— Давайте разберем живой пример. Помните, в Иркутске девятиклассники избивали старую учительницу. С расхожей точки зрения, ювенальная юстиция пожурит и отпустит их как малолеток. Если так случится, то это будет абсолютно антиювенальное решение. Самое страшное, если сегодня их не накажут. Да, по закону они еще дети, пусть даже ростом под два метра. Но если дети в этой ситуации окажутся безнадзорными, это их развратит. А до сих пор происходило и происходит именно так. Мне говорят: вы за смягчение приговоров, а у нас и так 70 процентов судебных решений, касающихся несовершеннолетних, — условные наказания. Это правда, и как раз такое положение дел ювенальные суды должны менять. Их задача — перестроить систему отношений ребенка с окружающим миром и с самим собой, научить его мыслить позитивными категориями. Когда человеку говорят: «Ты еще мало провинился», — и отпускают в ту же среду, где он уже совершил правонарушение, он совершит и новое. Тогда мы его посадим в тюрьму и совсем погубим. Если бы сегодня в Иркутске была ювенальная юстиция и я там был судьей — и, разумеется, если бы факты подтвердились, тут должна быть полная объективность, — я принял бы вот какое решение: во-первых, дети должны быть наказаны, но так, чтобы это поменяло их мировосприятие; я присудил бы им ухаживать за стариками в хосписе или в доме престарелых и объяснил бы им, что если они будут уходить от ответственности, то сядут в тюрьму. А во-вторых, оштрафовал бы родителей на очень большую сумму. Мы их не перевоспитаем, они взрослые люди, но в публичном пространстве все узнают, что эти родители наказаны. У детей же еще есть ресурс измениться, мы всегда должны исходить из этого. Это не значит, что он реализуется, и мы знаем, что какая-то часть детей все равно вырастет преступниками, но не надо к этому подталкивать. А подталкивают, с одной стороны, безнаказанность, с другой — условия, в которой подросток воспринимает негативные ценности. Если мы его сажаем в тюрьму, не надо удивляться, что он выйдет законченным преступником. Мы ему не оставили шансов, там такие законы. Ограничение свободы всегда порождает патологические отношения. Всегда, даже в самых идеальных тюрьмах. Я для того и ездил по миру и изучал как положительный, так и отрицательный опыт, чтобы не повторять ошибки, не наступать лишний раз на грабли.

— И что сказало вам изучение чужих граблей?

— Только в открытом пространстве человек может усвоить нормальные ценности. Когда его личность уважают, не насилуют. В воспитательной колонии никто никого не воспитывает, вернее, там происходит воспитание в обратную сторону, и тем быстрее, чем страшнее колония. Понимаете, это вопрос не гуманизма, а прагматизма. Мы не заинтересованы, чтобы из колонии вышел законченный преступник. Мы хотим дать ему шанс стать приемлемым членом общества. Поэтому сегодня из всех звеньев ювенальной юстиции для меня важнее всего развитие ювенальной пробации. Это служба, занимающаяся человеком, в данном случае несовершеннолетним, который столкнулся с законом как правонарушитель, получил условный срок или вышел из колонии. Кто-то же должен помогать ему в жизнеустройстве, чтобы он не возвращался в прежнюю среду! Сегодня во многих регионах России понимают необходимость такой службы и развивают ее.

— Вы назвали ювенальный суд, ювенальную пробацию. То и другое относится к подросткам, которые нарушили закон. Но есть еще и защита прав детей, это ведь тоже часть ювенальной юстиции, та самая, вокруг которой кипят страсти?

— Ювенальная юстиция в самом широком смысле — это система государственных структур и негосударственных организаций, совместно действующих в интересах ребенка. То есть не только специализированный суд, но и множество разнообразных социальных служб. Это человекоберегающая технология, мы боремся за каждого человека.

— Органы опеки тоже входят в эту систему?

— Конечно. Органы опеки появились не вчера, они были и в советское время, не вчера появилась и проблема насилия над детьми. Просто сейчас она стала объектом особенно пристального внимания. И понятно, почему. Раз сузились границы политических дискуссий в средствах массовой информации, пресса и телевидение переключилась на бытовые темы, причем такие, которые особенно волнуют людей. И вдруг появилась масса информации о насилии. Не насилие появилось, а информация о нем!

— Разве это плохо?

— Нет, это отлично. Просто надо понимать причины такого всплеска. На фоне общественного интереса активизировались органы опеки. Но это управленческий институт, он не занимается реабилитацией семьи, он просто готовит что-то к утверждению судом. Когда органы опеки стали активнее, они стали совершать больше ошибок и иногда чудовищных. Чтобы избежать их, нужно создать правовой противовес. То есть сделать так, чтобы судья не просто штамповал материалы, подготовленные органами опеки, а принимал решение осознанно, осмысленно, имея сверхзадачу сохранить семью.

— Тогда это должен быть не просто судья...

— ...а ювенальный, вот именно! То есть специалист, а при нем консультанты, связанные с реабилитационными структурами на своей территории. Об этом мы и мечтаем! Если есть у семьи хоть какие-то внутренние ресурсы, их надо мобилизовывать. Нужны механизмы решения конфликтов, помощи семьям — мы не все рождаемся хорошими педагогами, и не должно быть произвола.

Возможны ли случаи произвола органов ювенальной юстиции на Западе? Конечно. Но, когда мы обсуждаем, например, ошибки педиатра, у нас же не возникает идея отменить педиатрию.

— Говорят еще, что ювенальная юстиция под предлогом защиты прав ребенка будет плодить сутяг — дети начнут судиться с родителями.

— Правоспособность ребенка закреплена Семейным кодексом Российской Федерации в 1995 году. С четырнадцати лет он имеет право обратиться в суд, а с десяти суд обязан его выслушать. Будет ли он туда обращаться — это из области человеческих отношений. Но бывают настоящие издевательства взрослых над маленьким человеком. Каждая ситуация уникальна. И судья должен разобраться, где ребенок пытается манипулировать взрослым, а где действительно

подвергается насилию. Речь не о шлепках, это вообще глупые басни, нередко перед судом оказывается ребенок, на котором синяки в разной степени заживления, и есть свидетельства, что его избивали и насиловали.

— Статистика насилия в семье ужасающая. Что же делать?

— Я за профессиональный подход к любой проблеме. Вся наша прежняя работа, связанная с ребенком, который совершил правонарушение, привела к фантастическим результатам. Модельные ювенальные суды есть сейчас уже в тридцати регионах. Объективные данные показывают: два года работы специализированного суда — и на этой территории в несколько раз уменьшаются показатели рецидивов и преступности. По понятной причине: если с ребенком заниматься, то он меняет свое поведение. Я уж не говорю о Ростовской области, где ювенальный суд работает уже шесть лет! По стране уровень рецидивов детской преступности — 40–50 %, а там — 3–4 %. Так вот, занимаясь вопросами насилия, мы прежде всего обратились к профессионалам. Евгений Иосифович Цымбал, наш постоянный партнер, директор центра защиты детей от насилия «Озон», написал, может быть, единственную в России книгу под названием «Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия», а наш фонд ее издал. Главное, о чем тут говорится, — что следы насилия остаются не столько на теле, сколько в мозгу. А это вопрос экспертизы. Ювенальной экспертизы, без которой ничего нельзя доказать, ведь материальных подтверждений, например, сексуального насилия над ребенком, в результате которого у него часто стирается граница между добром и злом, обычно не бывает. К сожалению, других центров, подобных «Озону», у нас пока нет.

— Кого же судят в ювенальном суде: только несовершеннолетних правонарушителей или и тех, кто жестоко обращается с детьми?

— Ответа пока нет, поскольку нет юридически оформленной системы. В разных регионах сегодня применяются разные технологии. Но, касается ли дело ребенка-правонарушителя или ребенка, который подвергся насилию, важно, чтобы суд сделал выводы, почему так произошло, и через частное определение мог предписать местным органам — социальной защиты, образования — что-то поменять. Например, суд обязывает начальника департамента образования сделать так, чтобы в такой-

то школе была возможность собираться после уроков. Или начальника милиции — быстро выдать паспорт ребенку, вернувшемуся из колонии. А могут быть и обязательные предписания — не наказания! — и родителям. Противники ювенальной юстиции возмущаются: как это, судья будет принимать решение по семейным вопросам! Но в правовом обществе окончательное решение по всем конфликтным вопросам принимает суд.

— Мы опять возвращаемся к вопросу о доверии суду и к так называемым традиционным ценностям.

— Я с большим уважением отношусь к традициям и устоям, в том числе православным, — они играют ключевую роль в воспитании и поведении человека. Но разве жить в пещере — это традиционная ценность? Те, кто говорят: давайте оставим все, как было, не понимают, что это просто невозможно. Во всем мире система прав защиты детей, какой бы развитой она ни была, постоянно эволюционирует. Это происходит и будет происходить также и у нас. В какую сторону — вот это надо обсуждать, и это зависит от наших усилий. А пока что в нашем обществе, даже среди педагогов, немало сторонников идеологии насилия в широком смысле, многие убеждены даже в необходимости физических наказаний. Возможно, главное мое расхождение с моими противниками заключается как раз в подходе к воспитанию. Я убежден: чтобы воспитать нравственного человека, надо не ограничивать его, не пытаться выстраивать вокруг него стены, а создавать такие условия, чтобы ребенок стал личностью, уважал собственный выбор и чтобы этот выбор был позитивным. Основной способ профилактики детской преступности, алкоголизма, наркомании, беспризорности — это воспитание личности. Если ребенок будет уважать себя, понимать границы своей личности и уметь их отстаивать, то за него можно не бояться. Но для этого нужно с ним и обращаться как с личностью с самого начала. Не командовать, а находиться с ним в диалоге.

— Институт уполномоченных по правам ребенка — тоже часть ювенальной юстиции?

— Конечно. Не защищая прав ребенка, невозможно ничего изменить в его судьбе. А лучший способ защиты его прав — это сохранение его кровной семьи. Между тем работа уполномоченных тоже сильно раздражает тех, кто видит в ювенальной юстиции страшного зверя, который отберет у тебя ребенка или обеспечит безнаказанность малолетнего хулигана.

— Таких трудно в чем-то убедить...

— Невозможно убедить того, кто ничего не хочет знать. Между тем вся информация доступна. На сайте нашего фонда есть специальный раздел, где есть и цифры, и статьи, и документы.

В целом я доволен тем, как продвигаются идеи ювенальной юстиции.

Внутри судебной системы появились люди, которые стали мыслить новыми категориями и использовать ресурсы действующего законодательства. Когда в прошлом году совет судей создал рабочую группу по развитию ювенальной юстиции, я понял, что моя роль как ее лоббиста завершилась. Сегодня этот процесс идет внутри судебного сообщества, и я очень этому рад. Что же касается широкого общественного мнения, то я не ставил себе задачи бороться за здравый смысл. Это уже скорее дело журналистов.

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом
и ещё не знакомом

Чувство ритма — с первых дней жизни

Младенцы в возрасте от пяти месяцев до двух лет способны реагировать и даже двигаться в ответ на ритм музыки, причем он действует на них сильнее, чем человеческая речь, пишут финские и британские ученые в статье, опубликованной в журнале «Доклады Национальной Академии наук США».

Доктор Марсель Зентнер из британского университета Йорка и его финский коллега Томас Эрола из университета города Юваскула решили выяснить, насколько рано проявляется у детей способность координировать движения в ответ на ритмичные звуки.

Они провели эксперимент с участием 120 детей в возрасте от пяти до 24 месяцев. Вначале дети слушали раз-

личные ритмичные и музыкальные звуки, в том числе равномерные удары в барабан. Затем для них звучала речь. В течение всего эксперимента движения детей фиксировались при помощи трехмерной техники отслеживания движения.

«Наше исследование показало, что ритм вызывает у младенцев более сильную реакцию, чем другие параметры музыки, такие как мелодия», — сообщает Зентнер. Оказалось также, что дети реагируют на изменения ритма: если он учащался, движения тоже убыстрялись. Дети больше улыбались, если они могли синхронизировать свои движения с ритмом музыки.

Наблюдения исследователей подтверждают наличие врожденного механизма, который устанавливает связь между движением и воспринимаемым на слух ритмом. Возможно, этот механизм служил нашим предкам средством установления социальных связей.

Сотовые вместо учебников

Эксперты из университета Хагена пришли к заключению, что немецкие школы не используют в полной мере возможности мобильных телефонов для обучения. Преимущество сотовых состоит в том, что для школьников они являются «доверительным средством общения»: их используют не только для телефонных разговоров, но и для игр или для того, чтобы выйти в интернет. Поскольку дети постоянно заняты своими мобильниками, они могут разбудить в них интерес к знаниям гораздо лучше, чем книги. Эксперты добавляют, что сотовый не может заменить полноценный урок в школе, но, с другой стороны, позволяет учиться фактически в любом месте. Тем самым телефон может легко превратить время, потраченное впустую, во время, использованное для обучения.

Однако для этого, как отмечают исследователи, необходимо более активно развивать программное обеспечение. Существующие программы, в частности программы по обучению иностранному языку, подходят не для всех сотовых. Кроме того, число обучающих программ, приспособленных под сотовые, должно быть расширено.

Чему, оказывается, учат няни

Действительно ли мальчик, которого воспитывает няня, станет в будущем изменять жене? — задается вопросом журнал «Тайм». На этот вопрос утвердительно отвечает психиатр Деннис Фридмен, чья книга «Непрощенный дар: почему мы совершаем те поступки, которые совершаем» произвела фурор в Британии.

Няни, замечает Фридмен, наносят ущерб и психологии девочек: те остро переживают разлуку с матерью и во взрослом возрасте их может подстерегать зависимость от наркотиков, они могут стать сексуально-распущенными. Что до мальчика, то в его сознании запечатлевается разделение функций между биологической матерью и няней: одна связана с ним семейными узами, другая выполняет все его прихоти. Если во взрослом возрасте мальчик почувствует, что его потребности не удовлетворяются, он будет изменять жене, заключает Фридмен, не подкрепляя, впрочем, свои выводы статистикой («например, о

числе нянь у Тайгера Вудса», — замечает издание). Возможно, наблюдения Фридмена несколько предвзяты: его предыдущие книги посвящены психологии британской королевской семьи.

Няня
выполняет
все мои
прихоти

Пропал ребенок. Искать в киберпространстве

В лондонской клинике «Кейпио Найтингейл» появилось отделение для пациентов в возрасте от 12 до 17 лет, проводящих большую часть жизни в интернете и неспособных избавиться от патологического влечения к киберпространству, видеоиграм или новейшим многофункциональным мобильным телефонам.

В последние годы родители все чаще жалуются врачам на нездоровую, по их мнению, тягу детей к виртуальному миру в ущерб реальной жизни и живому общению. Они опасаются за их психическое здоровье. Некоторые дети впадают в истерику, когда родители требуют выключить компьютер. Бывает, что подростки устраивают бурные скандалы.

Недавнее исследование психологов Лидского университета, опубликованное в журнале «Психопатология», показало, что патологическая интернет-зависимость нередко вызывает серьезные депрессии и обладает многими психическими признаками наркотической зависимости. Риск подвержены не только дети и подростки, но и взрослые. Если интернет-зависимые дети по большей части увлечены видеоиграми, то подростки и взрослые чаще всего посещают виртуальные казино, порносайты, блоги или социальные веб-сайты.

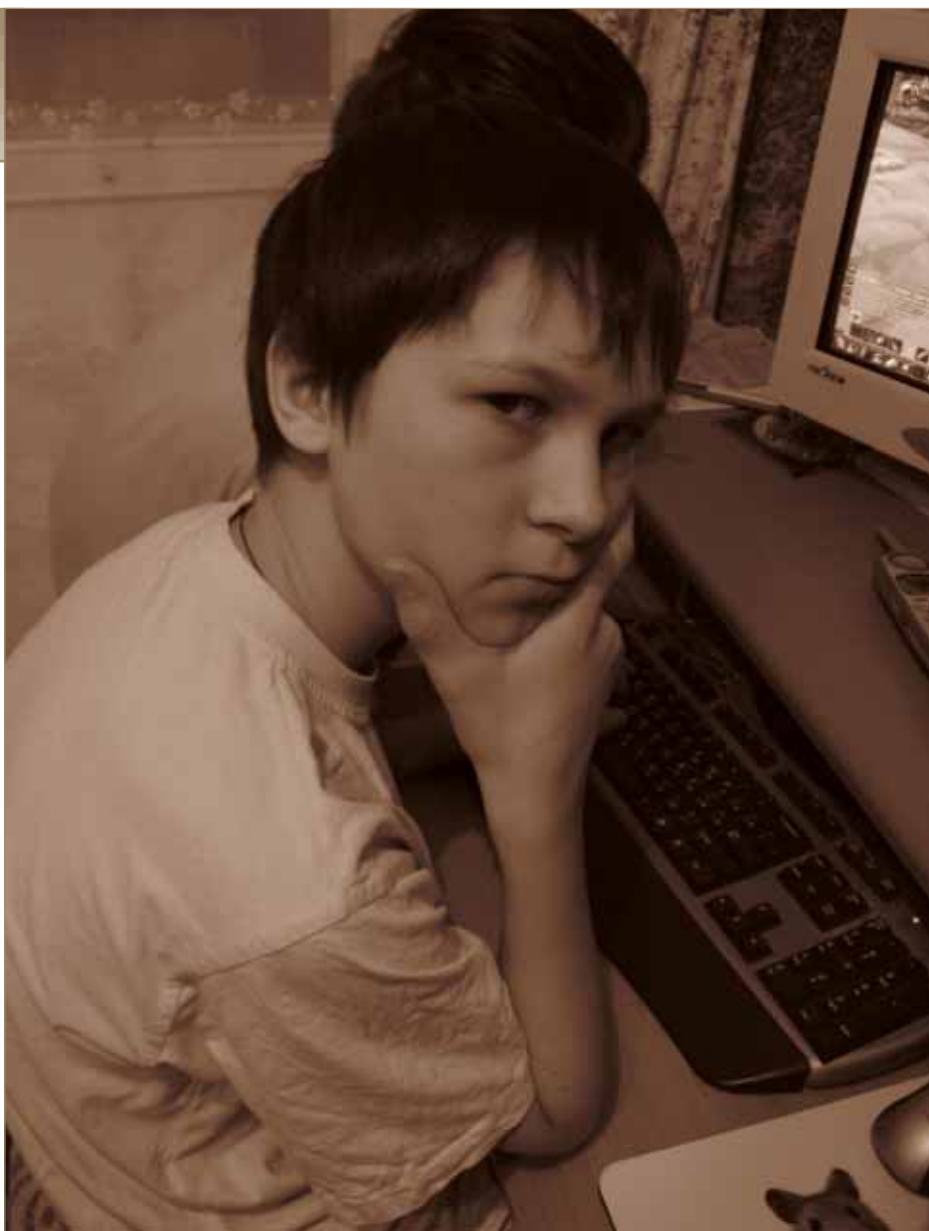
Клиника «Кейпио Найтингейл» разработала методику индивидуальной и коллективной терапии, направленной на создание у пациентов устойчивой потребности в социальной активности за пределами виртуального пространства. Возникающие при этом эмоциональные проблемы гасятся или снижаются с помощью гипнотического внушения, сна или медикаментозного вмешательства.

Британский нарколог доктор Леонард Бакман в интервью Радио Свобода размышляет над причинами интернет-зависимости:

— Люди, которые пользуются эскапистскими ресурсами в интернете, вроде видеоигр или разного рода интерактивных программ (особенно это касается подростков), нередко чувствуют себя изолированными или одинокими. Это относится и к взрослому, которым приходится коротать длинные ночи за компьютером и которые воспринимают интернет в качестве компаньона. Почти неизбежно такое продолжительное общение не с реальными людьми, а с искусственными киберсозданиями вызывает неудовлетворение, разного рода фрустрации; некоторые начинают страдать депрессиями.

Многие люди по натуре застенчивы и испытывают трудности при реальном общении. Они находят намного более комфортным общение в интернете — с реальными людьми или с искусственными созданиями. При этом многие интернет-зависимые верят, что виртуальная реальность существует и что населяющие ее существа реальны. Можно сослаться на совсем недавний феномен с фильмом «Аватар». Немалое число зрителей начали верить, что показанный в нем мир и населяющие его существа реально существуют, и что это вовсе не компьютерная графика.

Каковы особенности диагностики интернет-зависимых и страдающих депрессией детей? Это не та проблема, с которой обычно обращаются к врачу. Это скорее проблема для родителей. Обычно,

когда спрашивают пациента, как он проводит время, выясняется, что он не только на работе, но и дома живет в виртуальной реальности подолгу. Только тогда выявляется патологическая интернет-зависимость наркотического свойства. Обычно при этом человек не просто ищет и получает информацию, а общается в интернете, и это поведение становится значимой частью его жизни.

Профилактика и лечение любой психической зависимости — дело очень трудное. При этом очень немногие понимают или признаются врачу, что у них есть связанные с этим проблемы. Обычно это выявляется случайно. Гораздо легче предотвратить интернет-зависимость детей самим родителям, которые постоянно наблюдают за ними. Им легче умерить тягу детей к играм или воображаемому миру. Впрочем, многие не видят в этом ничего предосудительного. «Это никому еще не повредило, — рассуждают они, — не повредит и нам». Конечно, интернет сам по себе не приносит вреда. Такой вред возникает, когда он начинает занимать значительную часть вашей жизни, и киберпространство становится более реальным, чем сама жизнь. Именно тогда такие люди начинают нуждаться в помощи.

Не могу оторваться!

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной печати
и радио)

История семьи в истории страны

Её хранила любовь

Моей маме

Ни в летное, ни в театральное училище ее не приняли. Расстроенная, Ольга бродила по московским улицам, пока на Петровке не наткнулась на табличку «Московский электротехнический институт связи». «А почему бы и нет?» — подумала она. Экзамены в институт сдала на «отлично». Жизнерадостная и красивая Ольга сразу стала любимцей курса. 22 июня 1941 года все рухнуло.

Осенью война подошла к Москве. С каждым днем в городе нарастала тревога. Утром 16 октября, когда немцы находились уже в нескольких километрах от Москвы, она ехала в институт. Но в этот день занятия были отменены. Во дворе жгли архивы. Ольге повезло — ей сразу попала на глаза папка с ее фамилией. Схватив ее, побежала разыскивать своих друзей-однокурсников. В пустом актовом зале она увидела сидящего на крышке рояля молодого лейтенанта с огромной кобурой на боку. Рассмеялась, он улыбнулся в ответ.

Друг другу Ольга и Павел понравились сразу. Вместо прощания Павел предложил Ольге и ее друзьям уехать из Москвы вместе с ним. Военный грузовик стоял во дворе. Уже в машине, медленно ползущей по единственной оставшейся свободной дороге на Восток, Ольга ругала себя за легкомыслие. Но расстаться с незнакомцем, неожиданно ворвавшимся в ее жизнь, она не хотела.

В Казани студенты решили попытаться счастья в местном университете. Прощаясь с Ольгой, Павел неожиданно выпалил: «Выходи за меня замуж!» В Златоуст, пункт назначения Павла, они приехали мужем и женой. Их поселили в маленькой восьмиметровой комнатухе офицерского общежития. Выдали казенное армейское имущество: постельные принадлежности, алюминиевые чайник, две кружки, две ложки и две миски. Так началась их семейная жизнь, казавшаяся им настоящим раем. Ольга нашла работу на телефонной станции.

В 42-м Павла вновь отправили на фронт. Провожая мужа, Ольга положила в левый карман его гимнастерки серебряный рубль, подаренный ей на счастье бабушкой. Талисман сберег любимого Ольги. Но об этом она узнает только после войны. Спустя годы будет показывать монету с вмятиной своим детям, а потом внукам и правнукам.

Март 43-го в Златоусте выдался очень холодным. На солдатском одеяле Ольгу несли в больницу. Роды начались преждевременно. Ей еще здорово повезло. Врач больницы, куда Ольгу принесли, пожилая женщина, эвакуированная из Харькова, была опытейшим акушером. В тяжелейших условиях она смогла сохранить всем троим. Да, троим. «Двойню будем рожать, голубушка», — сразу сказала врач. Ольгу охватил страх: и одного-то ребенка завернуть не во что. А двоих?

Суровое солдатское одеяло разрежут пополам, армейские простыни и наволочки разорвут на пеленки. Ольга вынесет своих крошек на лютый уральский мороз.

— Дети меня спасли, — вспоминает она теперь. — О себе думать было некогда. Мне думать надо было о них. Где положить, во что завернуть, чем кормить? Молока у меня не было, разжевывала кусочки хлеба, заворачивала в тряпочку и давала детям сосать.

Кто-то посоветовал ей кормить детей пережаренной мукой, немного молока выделили на кухне детского питания, эвакуационный центр помог с пеленками и распашонками, даже корытце и марганцовка для купания детей нашлись.

Осенью 43-го Ольга неожиданно получила ответ на свой давний, уже забытый в заботах о детях запрос в Москву — ее вызывали для продолжения учебы в институте.

9 мая 1945 года, услышав по радио о капитуляции Германии, Ольга выбежала во двор, полный обнимающихся и целующих друг друга людей: «Ура!

Победа!». В том же 45-м она успешно окончила свой институт, получила диплом инженера-экономиста.

О рождении своих дочерей-двойняшек Павел узнал в самом пекле битвы под Курском. Не представляя себя еще в роли отца, Павел мысленно был там, на Урале, с ними, самыми дорогими и любимыми. Он должен был выжить в этой мясорубке, должен увидеть своих дочерей.

Они встретились не в победном 45-м в Москве, а в 47-м в Германии, где Павла оставили служить после окончания войны. Увидев двух одинаковых девчушек в одинаковых сереньких шубках, бодро прыгающих с подножки вагона, Павел впервые в жизни растерялся. А те при виде незнакомого дяди, обнимающего и целующего их маму, заплакали в два голоса на весь берлинский вокзал.

В Германии у них родилась еще и Танечка. Уже и бриллиантовая свадьба давно отпразднована. Вот уже и трое внуков стали взрослыми. А в канун 65-летия Победы в своей новой просторной квартире они бережно держали на руках только что родившегося третьего правнука.

Лучшие дни его молодости

Моему отцу

На него дважды приходила похоронка. Но в смерть весельчака, души любой компании Пашки никто не верил. А материнское сердце даже не впускало в себя эту трагическую весть, выстукивая без конца: «Жив, жив твой Павка! Жди!» И она верила. Ждала и молилась. И дождалась...

Он спрыгнул с подножки медленно подходящего к перрону поезда и бросился к ней навстречу. А она, маленькая, сгорбленная, растерянная, без конца смахивала дрожащей рукой набегающие слезы и не могла поверить, что возникший перед ней офицер — совсем уже взрослый, отпустивший, как когда-то его отец, усы —

молетов строчили пулеметы. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге...»

Павла откомандировали в Москву. А вскоре он снова был на фронте, в инженерно-саперной бригаде 65-й армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский. В составе этой армии Павел дойдет до Берлина. Его оставят служить в Германии еще на два года.

На вопрос, где было труднее всего, отец отвечает:

— Трудно было везде. В работе сапера даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были все время на передовой. Приходили первыми, а уходили последними. Немцы все время охотились за нами. Мы строили, а они тут же разрушали. Мы снова строили. Они снова рушили. И так без конца.

...Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто землянок и блиндажей, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям, — не подсчитать никак.

Зато сам он точно знает, что страшная война вырвала из его жизни 1460 лучших дней его молодости.

Наш дед Кеша

*Моему деду,
школьному учителю*

В 1941 году, когда фашистские самолеты бомбили Москву, в наш большой московский двор упала бомба. К счастью, не разорвалась, благополучно была извлечена из земли саперами и вывезена, оставив после себя воронку. Кому пришла в голову мысль соорудить на этом месте фонтан, теперь сказать трудно, но когда жители дома стали возвращаться из эвакуации, их ждал сюрприз. Фонтан стал самым любимым местом для нас, детей. Вокруг него затевались нехитрые детские игры, а в жаркие дни мы с удовольствием плескались в нем.

Как-то к фонтану пришел дед Кеша и выпустил в него маленьких золотых рыбок. Этого невысокого старичка с седой клинышкой бородкой и добрыми глазами все хорошо знали и любили. На его подоконнике на первом этаже стоял огромный аквариум; плававшие в нем разноцветные рыбки завораживали детвору.

О рыбах дед Кеша и начал свой рассказ у фонтана, а потом — о цветах, пчелах, деревьях. Мы слушали его, забыв про все свои игры. Вот так и стояли бы вокруг волшебника, каким представлялся нам в тот момент дед Кеша. А наутро он принес маленькие лопатки, грабли, ведра, сделанные им самим, и закипела во дворе работа. Ребята чистили двор, убирали мусор, копали землю, сажали цветы, кустарники, деревья.

Деда Кеша учить нас ухаживать за растениями, говорил, что они живые и у каждого своя душа. Яркими лиловыми гроздьями распустилась сирень. За сиренью в пышный бело-розовый наряд оделись вишни с яблонями, заблагоухал жасмин...

Во многие игры учил нас играть дед Кеша. Выиграть у него партию в городки или шашки никто не мог. Для команды-победительницы у него всегда наготове был приз — рамка густого янтарного меда в сотах. Этот человек не переставал нас чем-нибудь удивлять. Он и улей для пчел смастерил у себя под окном одним из первых в Москве. А в карманах его неизменной телогрейки, которую он, за неимением другого, носил, не снимая, всегда находилось что-то, на первый взгляд несуразное, а для нас — неожиданное, любопытное, мудреное. «Ну-с, кто угадает, что это такое?». И на свет появлялись разные металлические штучки, невероятные головоломки, которые он сам придумывал и мастерил. Нам предлагалось то собирать, то разбирать их.

Был он учителем математики, до войны преподавал в школе. Занимаясь с нами, был уже инвалидом. Но мы, дети, и не догадывались об этом. Не знали мы, что наш дед Кеша — Иннокентий Николаевич Бессонов — в 37-м году был по доносу осужден и сослан. Был выброшен за ворота лагеря дистрофиком с обитыми внутренними органами и напуганным: «Иди, все равно по дороге сдохнешь». Но он выжил и пешком добрался домой, в Москву.

Занился пчеловодством, фотографией, спеша запечатлеть, оставить потомкам каждое мгновение жизни. Нам с дедой Кешей

ее долгожданный сыночек, которого она помнила босоногим, с вечно разбитыми колготками. Живой! Невредимый! Без единой царапины. С погонами майора на военном кителе, увешанном орденами и медалями. Рядом с ним, сияющим, радостным, появилась из поезда молодая красавица-жена и две маленькие дочурки-двойняшки.

Наконец-то он дома, на родной земле, ласковой, хлебосольной Украине, где он не был целых десять лет...

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны еще долго месяцами не видели его. То он строил военные аэродромы, то прокладывал в непроходимых местах дороги.

В редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о войне оставались без ответа или наталкивались на скудные короткие фразы: «Никаких подвигов я не совершал. Просто выполнял свою работу, и старался делать как можно лучше...»

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна — Вытягайловские. Отца помнит плохо. Тот, вернувшись инвалидом с мировой, умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб и тот был большой редкостью, пока Пашка не подрядился разгружать мешки с мукой для соседней пекарни. За это он получал от хозяина буханку свежесдобитого черного хлеба, с которой, слома голову, неся домой, чтобы еще горячей вручить ее маме, чем очень гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после смерти отца, видя, как нелегко жилось матери, он старался помогать ей во всем.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом, ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником. Или инженером — он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец...

Не дожидаясь окончания школы, он пошел работать, учился на рабфаке, а через год поехал в Москву поступать в военное училище. Конкурс был большой. Профессия военного в те годы была одной из самых привлекательных. Он очень обрадовался, когда в списке счастливчиков, принятых в военно-инженерное училище, увидел свою фамилию. Учился Павел на одни пятерки.

А в январе 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспеченного лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну — финскую, где он и получил свое боевое крещение. Потом — граница. Жили в палатках, строили блиндажи, готовились к учениям командного состава округа, которые были назначены на июнь. В воскресенье их, сонных, разбудили взрывы бомб. Так 22 июня 1941 года с первым налетом фашистской авиации началась для Павла Великая Отечественная война...

Этот налет убеленный сединами ветеран-полковник помнит в мельчайших подробностях и сегодня. «Мы бежали кто в чем и куда, — рассказывает он внимательно слушающему внуку. — С са-

было спокойно, уютно и очень интересно. Его влияние на нас было огромным. Даже кепки носили «под него» и друг друга называли «сударь» и «сударыня», как это делал он.

Однажды деда Кеша принес во двор старенький, но работающий фотоаппарат — и стал обучать нас фотоделу. Снимки тех лет я храню до сих пор. Еще более потрясающим и радостным событием стало для нас появление такого же старого велосипеда. Где его дед раздобыл? Говорили, что откопал на какой-то свалке, починил, покрасил. Ездить на нем сам он уже не мог, но нас научил всех. Помню, как впервые села на этот велосипед, разогналась, остановиться не могу, кричу: «Всё! Разобьюсь!». А меня уже держат дедушкины руки. Катался на этом велосипеде весь двор, строго по одному кругу. Никто не хитрил, дружба была дороже.

А сколько книг из рук деды Кеши рук переходило вот также по кругу от одного к другому. Сам он читал заповсем, его маленькая комнатка была завалена книгами. Дед то и дело и нам подсовывал что-нибудь интересное, и мы зачитывали книги до дыр. Немало времени потратил он, чтобы приобщить к чтению двоюродника Владика Беспалова. Какие только книги не предлагал! Но все было напрасно. И все-таки мы увидели Владика с книгой в руках. Как деде Кеше удалось убедить его начать читать, осталось загадкой. Только через много лет мы узнали, что Владик стал известным литературным критиком. Крупным ученым-океанологом стал Гена Назаров, в детстве разбивший огромный аквариум с золотыми рыбками, что стоял у деды Кеши на подоконнике.

Вышли в люди все ребята нашего двора. Нам здорово повезло. Рядом с нами всегда был мудрый человек, чьи уроки постижения прекрасного мы запомнили на всю жизнь и благодарная память о котором до сих пор греет наши сердца.

Спасая детей от войны

*Моей бабушке,
директору школы*

Поезд рывками набирал скорость, увозя московских детей все дальше и дальше от столицы.

Шел четвертый месяц войны. Надежда Васильевна почти не спала уже несколько суток. Давили тревожные мысли: «Что же будет? Сколько еще я буду с ними одна? Куда теперь нас везут?» Ей вспомнился июль. Когда начались ежедневные бомбардировки Москвы, ее, учительницу физики, вызвали в школу. Сказали, что принято решение о немедленной эвакуации школьников младших классов из столицы и что ей надо будет сопровождать детей. На сборы дали ровно сутки.

Когда прибежала на Казанский вокзал, весь перрон уже был заполнен детьми и женщинами. На лицах — растерянность, тревога, печаль, боль. Стояли молча, крепко обнимая друг друга. Никогда Надежда Васильевна не видела такими серьезными лица малышей. Сердце сжималось от этой пронзительной тишины.

И только когда раздалась команда: «По вагонам!», чувства, сдерживаемые всеми силами души, разом хлынули наружу. Нет, не могла Надежда Васильевна больше думать об этом. Она встала, поправила прическу, пытаясь оборвать нахлынувшие воспоминания. «Что было, то было, — сказала она себе. — Сейчас надо думать, как будем жить дальше». Она медленно пошла по вагону, всматриваясь в лица спящих ребят.

С ней было сто мальчиков и девочек, разлученных войной с домом, с родными, с привычной для каждого из них жизнью. И ей одной надо было решать, во что их одеть, обуть, чем накормить, чем лечить. Поезд останавливался на каждом полустанке, пропуская эшелоны, идущие в сторону Москвы. На крупных станциях удавалось раздобыть немного еды, но как разделить эти крохи на всех? На стоянках, если позволяло время, Надежда Васильевна устраивала выступления детей. Кто стихи читал, кто пел, кто танцевал. За это их кормили горячей картошкой, хлебом, поили молоком, даже щей горячих давали ребятишкам.

Погруженная в свои мысли, она шла по вагону. Дети спали, положив головы друг другу на плечи, спрятав маленькие кулачки в рукава пальто от холода. Надежда Васильевна хорошо знала их всех. Уже три

месяца они жили как одна большая семья. Тогда, в июле 41-го, их отвезли под Рязань, поселили в школе колхоза, на полях которого ребята работали каждый день. Было трудно, голодно, но не так, как сейчас.

Обстановка на фронте с каждым днем становилась все тревожнее. Ее с детьми снова погрузили в поезд, который увозил их теперь все дальше и дальше от войны.

— Надежда Васильевна! — позвал кто-то из ребят. — Мы в Москву едем, да?

Самое трудное было для нее отвечать на детские вопросы. Если бы она сама знала, куда они едут и что с ними будет! Каким же трудом давалось ей сейчас внешнее спокойствие!

Начинало светать. Надо чем-то занять ребят. Надежда Васильевна стала снова вспоминать различные загадки, считалки, игры. Их-то она знала великое множество еще с детства, когда в Верхне-Удинске, где она выросла, ей приходилось присматривать за своими братьями и сестрами. Она была старшей из восьми детей в семье, и заботы о младших Наденька, как ее ласково все звали, делила вместе с родителями.

Может быть, именно тогда и пришло к ней решение стать учительницей. Мама не переставала удивляться, как Наденька справлялась с озорным непоседой, двенадцатилетним братом Леней. Неугомонный фантазер, он обожал свою старшую сестру и постоянно ходил вокруг нее: «Надь, давай что-нибудь смастерим. Ну, Наденька, пожалуйста!» Она тут же соглашалась. И они начинали мастерить. Чаще всего — солдатиков. Наденька ловко вырезала фигурки из картона, кроила для них мундирчики, а Леня брался за краски. Тут же к ним присоединялись другие дети. А потом она закончила педагогический класс гимназии. (Было это еще до революции.) Ее как лучшую ученицу назначили преподавать в младшие классы. Детвора и там ходила за ней гурьбой...

— Доброе утро! Доброе утро! — говорила Надежда Васильевна просыпавшимся детям, проходя по вагону и держа в руке маленького солдатика в раскрашенном мундирчике, того самого, из своего детства. Один за другим дети собирались возле нее. Поезд остановился.

— Мы приехали? Почему мы стоим? — наперебой спрашивали дети.

Надежда Васильевна выглянула в окно и увидела здание вокзала. На нем было написано: «Алма-Ата».

Платформа была полна встречающих. Жители ближних казахских аулов с цветами в руках встречали прибывших ребят. Они сердечно приняли их в свои семьи.

Для многих, приехавших с тем поездом, Казахстан стал родным домом, где они до сих пор живут, создав свои семьи, вырастив детей и внуков...

Идея Принцесна Ава

**Хотим
дать ребенку
редкое имя. Может
ли, с Вашей точки
зрения как психолога,
влиять имя на человека?
Если да, то каким образом?
Что должны учитывать
родители при выборе имени?**

Говорить о том, что имя для человека имеет огромное значение, все равно что утверждать значение Солнца для Земли, мужчины для женщины или женщины для мужчины. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Все, казалось бы, ясно. Можно с уверенностью сказать, что психология человека начинается с его имени, и судьба тоже.

Однако и тут оправдывается закономерность: в самом ясном всегда больше всего неясного. Одно из свидетельств этому — уйма мифов и предрассудков относительно имен, вплоть до того, что будто бы все Марии имеют один характер, все Наташи — другой, все Михаилы — третий, Серге — четвертый, Эльдары — пятый и т. д.

Имя человека, как и фамилия, есть точка пересечения социальных, исторических и психологических закономерностей самого разного порядка: пересечения в живом движении, в изменении — от эпохи к эпохе, от поколения к поколению, от места к месту, от семьи к семье...

Какие основные мотивы движут родителями при выборе имени ребенка?

Как имя, данное ребенку, влияет на его характер и взаимоотношения с окружающими, на отношение к самому себе, на карьеру, судьбу?

А как сам человек влияет на свое имя?.. И это вопрос не праздный...

Много раз мне приходилось сталкиваться с трудностями и конфликтами, возникающими у родителей, ждущих ребенка или уже родивших и спорящих между собой, как его назвать. Дело доходит подчас до серьезных ссор, иной раз и до развода на этой почве. Папа, например, хочет назвать сына традиционно именем деда — своего отца. А мама, допустим, — в честь любимого дяди, любимого доктора или любимого артиста.

Кто-то вынужден уступить. И случается, что уступка не проходит даром, а сказывается и на отношении уступившего к своему ребенку. Дитя оказывается уже и не столь желанным, и не столь любимым, каким было бы, если бы имя получило то, какое хотелось маме или папе. Одним этим сразу предопределяется крупная данность судьбы...

Как правило, родители стремятся назвать ребенка, исходя из *своих* предпочтений, если не сказать предрассудков, из *своих* желаний, из *своей* субъективности. И, как правило, не привносят в свои желания и решения ничего, что касалось бы истинных интересов ребенка, *его* будущего, *его* отношения к имени, *его* самочувствия с тем именем или иным. Родители в большинстве своем субъективны, эгоистичны, и присвоение ребенку того или иного имени может оказаться лакмусовой бумажкой их ограниченности.

Особенно явственно эта вопиющая субъективность вылезает, когда родители начинают ори-

гинальничать в выборе имени. О смешных и печальных казусах в этой области много писалось, останавливаться на них ради забавы не хочется, но все же вспомню один очень уж характерный и вместе с тем из ряда вон выходящий случай.

Когда я был молодым аспирантом, приятель мой однажды прибежал ко мне и с горящими глазами предложил: «Хочешь пойти послушать лекцию и получить за это деньги?» Я подумал, что ослышался. Обычно ведь людям платят деньги за чтение лекций, а не за их слушанье. «Деньги дадут, —

О редких именах. Как имя влияет на жизнь

подтвердил приятель. — Ты будешь слушать, а лектор тебе за это заплатит. Это его условие. То ли он сумасшедший, то ли миллионер, то ли и то, и другое...»

Как было отказаться от такого заманчивого предложения голодному аспиранту? В тот же вечер мы сидели в небольшом зале человек на сто, битком набитом. Лекцию читал мощный, тяжелоатлетического телосложения человек, уже немолодой. Фамилию его я не запомнил, она была самая обыкновенная. (По Интернету только что нашел: Кузнецов.) А вот имя запомнилось на всю жизнь: *Побиск*. Как думаете, что имя сие означало?..

Слушая лекцию, — а она была посвящена светлому будущему человечества и состояла из нагромождений философских, экономических, математических и физических терминов, нам почти сплошь непонятных, — мы с приятелем всё гадали, что же могло означать имя лектора. Когда в конце лекции дело дошло до слушательских вопросов, мы этот вопрос задали в записке — и не одни мы! Лектор собрал бумажки с вопросом о его имени в отдельную кучку, помахал ими в воздухе и спокойно сказал: «Всегда примерно вот такая пропорция вопросов задается о моем имени. Это закономерность». И далее последовал длительный монолог о том, что такое закономерность вообще. В конце монолога Побиск тайну своего имени все же раскрыл: «Поколение Борцов И Строителей Коммунизма. Это имя дали мне мои родители. Дело было в двадцатые годы».

Лекция закончилась, каждый слушатель получил на выходе свой двадцатник, немалые по тем временам денежки, да еще халявные. С довольно странным ощущением шли домой... Получилось, что лектор оправдал и утвердил свое имя: и лекцией своей, и оплатой слушателей, которые ему были, очевидно, очень нужны. Откуда брал Побиск деньги на просвещение народных масс, осталось загадкой. Кто-то сказал, что он держит подпольный бизнес. По другим сведениям, более близким к истине, Побиск успел провести десять лет в сталинских лагерях, а потом заработал крупные деньги как изобретатель. По облику человек этот напоминал титана эпохи Возрождения, и было ясно, что этот большой корабль, может быть, даже космический,

плыл именно так, как его называли... Имя есть знакомое лицо-пароль, с которым отождествляешь себя, и с которым отождествляют тебя, — пожизненно носимая одежда души. Одни носят одежду обычную, типовую, ничем не выделяющуюся, и этим довольствуются; о таких можно сказать, что не имя красит человека, а человек имя, да и смотря еще, во что красит. Другим безвыборно достается одеяние на особицу. Оно может быть и роскошным, и редко — элегантно и благородным, и неожиданно милым, и забавно-смешным, и кричаще-вычурным,

Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова
Принцевна Авангардова

Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова
Идея Принцевна Авангардова

Владимир Леви
отвечает на вопросы
родителей

и нелепым до
уродства включительно...
Необычное имя — всегда вызов и риск. Вызов общепринятым стереотипам, вызов судьбе. Риск, заложенный в самую сердцевину, в первооснову бытия и сознания родившегося человека... А сперва — девочка, маленького и беспомощного. Как человек справится с этим риском? С пожизненно носимым платьем своей души — как сживется?

Можно вспомнить нескольких необыкновенных людей с необыкновенными именами, людей ярких и успешных, оправдавших, если можно так выразиться, свои имена. К примеру, прекрасный актер Авангард Леонтьев. Леонтьевых много, а вот Авангард один. Не знаю, комфортно ли чувствовал себя мальчик по имени Авангард в школе, студент по имени Авангард в институте, но сейчас, видя и слыша взрослого состоявшегося человека с этим именем, можно сказать, что имя ему вполне подходит и, кажется, даже нравится, как и нам, зрителям.

Безусловно, степень свободы в выборе имени зависит и от общества, в котором мы живем, — от менталитета, обычаев, даже моды... Имя, кажущееся сегодня очень редким, завтра будет до оскомины банальным... Это то, что сейчас произошло со свежими когда-то Максимами, Денисами, и вот-вот произойдет с Данилами, Гаврилами, Егорами, Степанами, Дарьями, которых уже едва ли не больше, чем традиционнейших Марий, Екатерин и Наташ. Так что и редкость, и оригинальность имени — вещи весьма относительные. И тем не менее всегда есть то, что выходит за всякие грани.

Вполне понятно, что родителям хочется дать ребенку имя, как-то выходящее из привычной безликости бесконечных Наташ, Катерин, Сергеев, Андреев, а в прошлом — Иванов. Ведь имя — это то, что должно как-то отличать человека от других, не правда ли? А с другой стороны, имя с древних времен стало определять принадлежность человека к определенному клану, семье, определенному социальному статусу.

Дворянам пушкинских времен никак не могло прийти в голову назвать своего сына, скажем, Агафоном или Евстафием. Подобная выходка была бы приравнена к сумасшествию, по меньшей мере.

Так называли простых крестьян, отсюда и фамилии с этими корнями. И это говорит о том, что вольно или невольно, давая имя, люди в большинстве своем ориентируются на представления и ожидания окружающих, — если не на стандарты, то на какие-то рамки своей социальной среды, от и до. Степени свободы в выборе имени традиционно ограничены, но были исторические сезоны, когда эти степени свободы резко менялись. Как раз в революционные времена каких только имен не давали! Тогда появились женщины по имени Электрификация, Идея, Сталина, Ленина, а среди мужчин появились Марлены (Маркс и Ленин), Мэлсы (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), а попозже Электроны, Нейтрины...

Что мы скажем, например, об имени Идея? Если отвлечься от его конкретного значения, то звучит совсем неплохо, звуковая ассоциация с Орхидеей — красивейшим цветком в мире... Но что сказать, если это имя сочетается с неподходящей фамилией? Я побывал на одном из родительских форумов, где упомянули некую Идею Глупову. Фамилия Глупов — и так-то «не бей лежащего», да тут еще и Идея... Вот уж удружили родители своей девочке...

Завершая эту беседу, далеко не исчерпавшую свой предмет, хотел бы задать родителям, помышляющим о редком или оригинальном имени для своего ребенка, такие вот наводящие вопросы.

Уверены ли вы, что имя, которое вы даете ребенку:

- понравится в дальнейшем ему самому;
- не будет вызывать насмешек или излишних вопросов со стороны того окружения, в котором ему вероятнее всего предстоит жить, начиная с детского сада и первых классов школы;
- хорошо сочетается с фамилией и отчеством;
- достаточно гармонично и не тяжеловесно звучит, удобопроизносимо;
- не содержит в себе чрезмерной претенциозности, пафосности, каких-то завышенных ожиданий, которые могут связаться с именем и которые трудно будет оправдать, — я знал человека, которого звали Принц, и это был далеко не красавец, и белого коня не имел, не говоря уже о белом «мерседесе»;
- если оно дано из религиозных соображений или, как раньше делалось батюшками, — по случайному выбору в святцах, не окажется ли неблагозвучным до постыдности, как, например, ни в чем не повинное имя Акакий, которое Гоголь дал своему широко и печально известному герою.

По поводу последнего надо заметить, что имя Акакий носили и весьма достойные, сильные и яркие люди, как, например, великий грузинский актер Акакий Хорава. Но тут выручало именно то, что он грузин, и имя тем самым входило в другой акустико-смысловой ряд.

Короче говоря, давая имя ребенку, пожалуйста, не позабудьте внимательно, осмотрительно и надолго поставить себя на его место.

Воспитание — нормализация. Что содержится в воспитании, кроме ознакомления детей с нормами, усвоения ими норм и подчинении им? Ничего.

Воспитатель опять-таки сверяет свои усилия с нормами — педагогическими принципами, методами, приемами.

При этом воспитание полностью погружено в пространство культурных норм даже в тех случаях, когда выходит за их рамки, — например, при неправильном воспитании, ошибках или проступках учащихся. В этих случаях возвращение к норме, более полное ее усвоение происходит в соответствии с теми или иными социальными нормами.

Воспитательный процесс, имеющий и своим содержанием, и средством нормы, можно назвать процессом *нормализации* — внедрения и поддержания

**Борис
Бим-Бад**

Нормальный — значит здоровый. Таково, в частности, нормальное развитие.

Нормальный — читай: не патологичный, благополучный, естественный, не странный, правильный. Уравновешенный. Не чрезмерный. Не деланный, не принужденный, искренний.

А также — не ущербный, достаточный (о характере, психике, мироощущении). Гармоничный, согласованный, стройный в сочетании звуков, красок, душевных сил, интересов. Слаженный. Без проблем, без крайностей, правильный, справедливый. Неподдельный, непритворный, открытый.

Вредные несоответствия норме представляют собой, в частности, разные виды неестественности. Это — экстравагантность, вычурность, капризы.

Но нельзя забывать, что нормальность как обычное состояние подвержена субъективным

Что такое нормальное

культуры — образцов и типов культурных объектов и видов деятельности. Нормализация — подчинение норме. Нормализоваться — стать нормальным, войти в норму.

В целях безопасности личности и общества, здоровья и имущества, окружающей среды воспитание способствует воспроизведению и развитию установленных обществом норм, правил и характеристик. Смысл воспитания — в профилактике и исправлении опасных отклонений от нормы в ее широком понимании.

Норма — сердцевина бытия и познания. Нормы отражают закономерности мира и общества. В качестве *руководящего начала, образца, эталона* нормы необходимы, они пронизывают собой культуру и составляют ее основу.

Где нет системы норм, к которым можно было бы взывать, там нет и культуры.

Так, любой язык возможен только как система синтаксических норм и семантических определений.

В мышлении правят логические нормы.

Существуют нормы искусства, например каноны. Есть нормы толкований, интерпретаций.

Обычаи — совокупность неписаных норм поведения, сложившихся в обществе в результате их традиционного применения.

Узаконенные установления типичны для юридических норм, норм поведения, норм литературного языка, правил уличного движения.

Норму отражают правила, законы в какой-либо отрасли знания.

Игры, спорт абсолютно невозможны без норм, то есть правил.

Страшно себе представить, что было бы, если бы мы не придерживались норм в строительстве.

Нормальность. Ближайшим и непосредственным образом норма проявляет себя в *нормальности*. Соответствующий норме, нормальный, — понятие, играющее выдающуюся роль в жизни.

Нормальность — это соответствующее законам природы или же общее, издавна установившееся в обществе.

Этот факт зафиксирован в обычном языке, в словоупотреблении: «Нормальная обстановка»; «Как себя чувствуете? — Нормально!»; «У нее нормальная температура».

толкованиям и зависит от преобладания в данной группе того или иного поведения. Так, если все пьют, то непьющий «ненормален».

М. Е. Салтыков-Щедрин написал однажды за свою дочь сочинение и получил двойку с отзывом учителя: «Не знаете русского языка». Своеобразная манера письма писателя была воспринята учителем как нарушение норм.

Кроме того, существуют и нормальные колебания. Например, колебания настроения, смена чувств, изменение отношений. Нормальность всегда есть характеристика, лежащая в *пределах* нормы. Один и тот же ребенок — и жертва избиений дома или в школе, и тиран, и хулиган. Воспитуемый легко переходит от одной роли к другой.

На пределах нормы расположились пограничные случаи. Переход за границы нормы ведет к патологии.

Соблюдение и несоблюдение нормы как должного. Соблюдение норм обеспечивает предсказуемость жизни.

Но существует и вредное соблюдение должного — догматизм. Нормы не должны становиться *абсолютными догмами*, принимаемыми за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах.

Нарушение некоторых норм — преступление. (Например, браконьерство есть нарушение норм охоты, рыболовства и других требований законодательства об охране животного мира.)

Подражание — основной механизм усвоения нормы новым жителем Земли. Усвоение норм произвольно.

Усваивая нормы языка, мышления, поведения, ребенок произвольно знакомится с необходимыми условиями жизни. Правила детских игр служат ознакомлению его с нормами и их соблюдением. Нарушение игровых норм — первый опыт ребенка в обмане, хитрости.

В воспитании норма есть соответствие наиболее здоровому типу роста и развития, соотносительно с целями образования.

Воспитанность — знание норм, правил и умение соответствовать им.

Воспитание включает в себя профилактику — предотвращение серьезных отклонений от нормы, оно основано на поддержании и упрочении собственных результатов.

Природа воспитания такова, что профилактика пронизывает собой все педагогические воздействия.

В целях профилактики, а не только исправления действий воспитанников, осуществляется педагогическое вмешательство в их жизнь.

Задачей воспитания, в частности, является предупреждение преступного образа мыслей и опасных деяний.

В обучении усвоение означает понимание, запоминание и умение применить усвоенные нормы в нужном случае. В воспитании усвоить — значит сделать свойственным, привычным для себя.

Воспитательной силой обладает прочное знание принципов (а не одних фактов). Упражнение в применении этих принципов приводят к решению жизненных задач.

наказания, — как преодолевшего страх. Романтизация бунта — неизбежное следствие запретов, гарантией соблюдения которых выступает страх.

Родители, виновные в оскорбительном и негуманном обращении с детьми, обычно сами жестоко наказывались в детстве и страдали от дефицита любви к себе или от деспотической любви воспитателей.

Нравственное воспитание. Мы все знаем, что дети очень наблюдательны. Дети способны подмечать самый ничтожный след примесей недостойных мотивов в поступках окружающих людей. Несколькими меньше они склонны отмечать такие мотивы в своих собственных поступках, но если тактично обращать на это их внимание, дурной поступок мгновенно утрачивает для них всякую ценность.

Это замечательное и всеобщее свойство детей — та основа, на которой и может строиться нравственное воспитание. Задатки доброго в детях очень быстро развиваются. Главное, чтобы они любили по-настоящему доброго человека и видели в его поступках действительную красоту.

Любовь и красота — самые мощные средства нравственного воспитания, но одновременно и самые опасные. Если ребенок полюбит злого человека (а это возможно в отдельных случаях), тогда он поставит себе в пример как раз прежде всего зло. Когда детский ум окрепнет, совершенно необходимо давать ему возможность судить о мотивах собственных поступков и разбираться, где мотивы были действительно хороши, а где не слишком.

Но одних только примеров и анализа мотивов поступков недостаточно, чтобы в ребенке сформировалась добрая воля. Здесь важно, чтобы ребенок привык не удивляться хорошим поступкам, рассматривать их как норму, как естественное, обычное, привычное. И чтобы тогда, когда окружающие удивлялись бы, положим, благородному образу мысли и поведению человека, у ребенка закрадывалась бы мысль: а разве можно иначе?

Если удивление тому, что должно быть нормой, возникает в сознании ребенка, это очень плохо, потому что доброе поведение ребенок станет рассматривать как что-то необычное и заслуживающее похвалы. А если за это не хвалят и коли добро не вознаграждается, то тогда и не надобно его делать.

В иерархии ценностей, которые искренне и глубоко признает растущий человек, самое высокое место должно занять желание быть хорошим и становиться лучшим. Здесь важно отвергать любые ссылки растущего человека (склонного к самообману, слабого, еще не устоявшегося в добре) на свою невинность — попытки свалить свою вину на что-то другое, например на другого человека или на то, что зло наследуемо. Я имею в виду попытки ребенка (разумеется, внушенные ему окружающими) думать и даже заявлять: «Я не виноват, я таким и родился, это у меня от папы». (Или от мамы. Или от бабушки.)

Восприимчивость детской души к понятиям долга, долга перед собой, перед людьми, близкими и далекими, очень велика. Но она появляется, когда растущему человеку помогают укрепляться в самовоспитании. Для этого абсолютно необходима склонность и способность к самосовершенствованию.

Это и есть главная задача нравственного и любого иного воспитания. С этой точки зрения вечно прав Платон, уверявший, что воспитание и есть вызывание в душе ребенка отвращения к пороку, к злу и любви — к добру и добродетели.

ВОСПИТАНИЕ

Основной *метод* обучения нормам — одобрение и неодобрение воспитателя, чаще всего в форме «правильно — неправильно».

Ошибка. Сократ ясно показал, что никто не ошибается преднамеренно. Человеку свойственно ошибаться.

Исправляя ошибки детей, наставник приводит воспитуемого в соответствие с нормами. И здесь профилактика эффективнее терапии: лучше предупреждать ошибки, чем исправлять уже совершенные.

Категории вины и наказания неотъемлемы от воспитания как следования нормам, как коррекции отклонений от них.

В категориях вины и ее искупления усваиваются понятия добра и зла. Институт педагогической власти основан на этих категориях.

Наказание — инструмент воспитания.

Ребенок, ударившись о предмет, желает наказать его и бьет его. Дать сдачи — психическая разрядка, кажущееся уменьшение боли, обиды. Почему же разрядка? Возможно, ответный удар согласуется с какими-то древними мотивами самозащиты, направленными на самосохранение.

Но важно принять во внимание, что в первые месяцы жизни дитя может незаметно для себя присвоить элементы агрессивности. Если младенца никто никогда, даже в шутку, не ударил, не сделал даже вида, что бьет, ему в голову не придет «идея битья». Если же он хоть раз столкнулся пусть с «невинными» шлепками, он непременно «даст сдачи» и будет убежден, что это в порядке вещей.

Роль принуждения, насилия, утешения в практике воспитания очень велика: «Сейчас ты у меня получишь!»; «Вот расскажу папе — он тебе покажет!»; «Не смей с ней дружить — будешь наказан!».

Подобные диалоги весьма разнообразны. Действительность воспитания насыщена запретами и их нарушениями, большими и малыми провинностями с их более или менее тягостными последствиями.

Репрессивная педагогика порождает героизацию нарушителя норм — осмелившегося преступить нормы, нарушение коих запрещено под *страхом*

Борис Михайлович Бим-Бад,
доктор педагогических наук, действительный член Российской Академии образования

Валерий — способный, но ленивый...

Читатели «Семьи и школы» познакомились с главой из новой книги писателя, биолога, психолога Екатерины Мурашовой «Ваш непонятный ребенок» («Гриша — ребенок-катастрофа», № 2 и 3 журнала). Книга готовится к выходу в издательстве «Самокат». Состоит она из историй, в основе которых — реальные случаи из практики автора, работающего сейчас семейным психологом в одной из Санкт-Петербургских детских поликлиник. Публикуем еще одну главу из этой книги.

— Представляете, Валерий в три года сам по кубикам выучил все буквы. Знал все цвета. Стихи мог читать час подряд без остановки. Все знакомые удивлялись. Один раз ему прочтешь — он уже половину запомнит. И книжки любимые так «читал». Если я пыталась где-то сократить, он тут же говорил: «Нет, не так!» — и поправлял, как надо. Я иногда даже удивлялась, зачем ему вообще надо, чтобы я их читала, если он всё наизусть знает.

Когда пошли в школу поступать, нас все предупреждали: чтобы в эту школу поступить, нужен блат или деньги. А мы пришли просто так, на тестирование. Я его готовила, конечно, и в группу по подготовке к школе он ходил. Но это, я вам честно скажу, так себе была группа. Все, что там проходили, он и так знал. Он там на занятиях скучал, а преподавательница говорила: да, Валера все знает, но я же не могу его одного все время спрашивать. Он туда ходил, только чтобы с ребятами поиграть... Так вот, пришли мы на тестирование. Письменный тур он прошел на ура, а на устном такие сложные вопросы были, но учительница, которая принимала, только головой качала: «Какой способный ребенок! Какой развитый!»

— Вы пришли ко мне, чтобы узнать, как лучше развивать одаренного ребенка? — Я решилась вмешаться в монолог, потому что ситуация была для меня не слишком ясной. — Но в вашей сильной школе наверняка есть психолог. Он сможет дать вам более квалифицированную, педагогически ориентированную консультацию. Или есть что-то еще? У Валеры появились проблемы со здоровьем?

— Тыфу-тыфу-тыфу! — мама постучала костяшками пальцев по ручке кресла. — Со здоровьем у нас все в порядке.

— Тогда что привело вас ко мне?

— Он не хочет учиться! Представляете? С его-то способностями! Учительница сказала: «Либо ваш Валера берется за ум, либо ищите другую школу».

— Но может быть, вы преувеличиваете способности сына, и ему дей-

ствительно трудно учиться по усложненной и усиленной программе? Вундеркинды-дошкольники далеко не всегда превращаются в хороших учеников...

— Да нет, доктор, вы мне поверьте! Он же в первых двух классах вообще отличником был. И учиться ему совсем не трудно! Если бы он хоть как-то работал, то ему эта программа — тыфу! И он же во всем так! В прошлом году пошли в музыкальную школу. Поступили по конкурсу, опять же без всякого блата. Вроде бы сам захотел. Первые три месяца учительница нахвалиться не могла. А еще через полгода все бросил. Не пойду — и всё. Понимаете, у меня такое ощущение, что он не развивается, а деградирует. Раньше много читал, теперь почти не читает совсем. Целыми днями может смотреть телевизор или на компьютере играть. А ведь были еще карате, волейбол, даже балльные танцы... Всё бросил.

— Но почему? Чем сам Валера это объясняет?

— Да ничем не объясняет! Надоело, и всё! Мы уж с отцом изошли на всякие там объяснения и поучения — ничего не помогает.

— Вероятно, мне нужно встретиться с самим Валерой. В каком он сейчас классе?

— Заканчивает шестой.

Валера оказался миловидным, контактным мальчиком, с тонкими чертами лица и изящными движениями. Он охотно рассказывал о школе и о семье, легко, почти незаметно подшучивая и над собой, и над окружающими его людьми. О каждом он говорил что-то хорошее, что-то смешное и обязательно упоминал что-то из недостатков. Например, о классной руководительнице он рассказал, что она заслуженный учитель, ведет очень интересный факультатив для старшеклассников, совершенно не выносит, когда ей возражают, и на уроках все время повторяет: «Надо думать головой», — как будто люди могут думать еще каким-нибудь местом.

Когда я спросила Валеру, чем он объясняет ту ситуацию, которая сложилась у него в школе, мальчик кокетливо засмеялся и сказал:

— Такой уж я есть. «Способный, но ленивый», — так наша учительница говорит.

— А ты-то сам что думаешь по этому поводу?

— Не зна-аю.

— Но ведь тебе придется поменять школу, расстаться с друзьями...

— Не зна-аю, может быть, как-нибудь обойдется... Я подтянусь...

— А кружки, которые ты начинал и бросал? Что это?

— Ну, мне сначала было везде интересно, а потом на каждом занятии — одно и то же, одно и то же. Скучно!

— А что интересно?

— Ну, интересно гулять, — оживляется Валера. — Боевики по телику интересно смотреть. На компьютере играть. Еще интересно куда-нибудь ездить, путешествовать. Я экскурсии люблю. У нас в школе они часто бывают. В музеи ходить. Энциклопедии бывают очень интересные. И еще много всего!

Парадоксальная вроде бы ситуация. Мальчик явно одаренный от природы. Вполне приличные условия в семье и условия обучения (это подтверждает и мама, и сам Валера). Ему интересно «много всего». И у него не складывается учеба в школе и не формируются устойчивые познавательные интересы. Почему?

Почему дети могут, но не хотят учиться?

Как ни странно это прозвучит для людей старше тридцати, но сегодняшние дети часто не хотят учиться по очень простой причине: они совершенно не знают, для чего это нужно. Есть такой очень хороший детский анекдот. Приходит мальчик к маме и говорит:

— Мама, скажи: «фунь».

— Зачем это? — чувствуя какой-то подвох, подозрительно спрашивает мать.

— Ну ты просто скажи: «фунь».

— А что хоть это значит?

— Да ты не спрашивай ничего, ты просто скажи: «фунь!»

— Да не буду я всякие глупости говорить!

— Не будешь? Вот и не заставляй тогда меня английский язык учить!

Наши дети не такие, какими были мы. Это банальная истина, но в быту она часто забывается. Наши дети больше отличаются от нас, чем мы отличались от своих родителей. Ближайшая параллель — поколение первых пионеров и их родителей. Они живут в другой стране, в городе с другим названием и при другом общественном строе. Аргументы, которые как-то затрагивали нас, до них часто попросту не доходят. Лет двадцать — двадцать пять назад туманное понятие какого-то «долга» (не то перед страной, не то перед будущими поколениями, не то вообще непонятно перед кем) было, тем не менее, вполне

действенной реальностью. Отец говорил сыну:

— Подумаешь, учиться он не хочет. Должен, и всё! Вот я, думаешь, хочу каждый день в полшестого вставать и на завод идти? Однако иду. Потому что должен. А ты должен — учиться.

И за этим парадоксальным, в общем-то, утверждением и для отца, и для сына стояла какая-то реальность. Сын, наблюдая жизнь отца и окружающих его людей, смутно понимал, о чем идет речь и, по крайней мере, не отбрасывал объяснения отца, что называется, с порога.

Для сегодняшних детей объявление о том, что они должны учиться, — пустой звук. Довольно сомнительны и заявления о том, что, только учась, можно хорошо устроиться в жизни. Наши дети вовсе не глупы и каждый день видят людей, которые, если и учились чему-нибудь хорошо, явно делали это отнюдь не в школе. И тем не менее эти люди прекрасно (зачастую гораздо лучше, чем ратующие за образование родители) «устроены» в жизни. К тому же дети, особенно младше 14 лет, в большинстве своем не очень способны к прогностическому мышлению. Задумываясь сегодня о том, что будет с ними через пять-шесть лет, да еще как-то подчинять этому сегодняшние поступки, — непосильный труд для их разума.

Так что же делать? Единственный выход — каждый день, при каждом удобном случае показывать детям, что знания, образование делают жизнь человека интересней, наполненней, расширяют границы доступного ему мира. Доступного не в плане «взять и съездить», а в плане «понять». И это понимание (и в конечном счете — управление) может доставлять не меньшее, а зачастую и большее удовлетворение, чем прямое обладание. Объяснять нужно на доступных ребенку примерах. Сейчас немногие дети хотят стать космонавтами, но многие мечтают о бизнесе. Большинство из них абсолютно не представляют себе, что это такое. Объясните им. Сумейте доказать, что бизнес — это в первую очередь правильное понимание ситуации и поступков людей, а во вторую — управление всем этим в интересах дела. Сообщите им о том, что существует специальная наука, занимающаяся всем этим, и к тому времени, когда они вырастут, никакой бизнес без применения этой науки будет попросту невозможен, как невозможно полететь в космос, не используя достижений математики и физики.

Другая причина, по которой часто не учатся вполне способные и даже одаренные дети, — это отсутствие интереса к учебе. Им попросту неинтересно, и никакие ваши слова убеждения и угрозы здесь не помогут.

Единственный выход в этом случае (если ребенок действительно одарен) — подыскать школу или программу, вполне отвечающую возможностям ребенка. Вернется интерес к учебе — вернется и успеваемость.

Иногда успеваемость детей страдает из-за конфликтов в школе. В средних классах (пятых — восьмых) это встречается особенно часто. Ребенок претендует на роль лидера, но не имеет сил или способностей вести за собой других. Ребенок попал между двумя группировками, не может определить свою позицию, конфликтует с обеими сторонами и, естественно, все время оказывается в проигрыше. В класс, где отношения уже сложились, пришел новый, не слишком общительный ученик. Друзей у него нет, во время перемен он один стоит у стены, не решаясь принять участие в шумных играх одноклассников, не отвечает на неуклюжие подначки, попытки вовлечь его в общение. Постепенно такой ребенок становится козлом отпущения, и, как следствие этого, не может хорошо учиться, не хочет идти в школу.

Эти и многие другие ситуации объединяет одно — неумение ребенка наладить отношения со сверстниками. Нарушение успеваемости здесь вторично и происходит от того, что ребенок живет в постоянном напряжении и постепенно становится невротиком. В этом случае необходимо проанализировать причины конфликтов ребенка с одноклассниками и обратиться к специалисту за индивидуальной или групповой психотерапией. Как и в других случаях, здесь необходимо отыскать ресурс, на который можно опереться при восстановлении нарушенных отношений (например, ребенок прекрасно общается со сверстниками на даче), и оказать ребенку всемерную поддержку в семье. Нарушенные взаимоотношения в школе — это всегда преимущественно беда, а не вина ребенка. Поэтому родителям нужно главным образом думать о том, как ему помочь, а не о том, в чем можно обвинить его самого.

Иногда причина учебы ниже возможностей или даже неуспеваемости — в том, что познавательные интересы ребенка не сформированы. Такие дети, как правило, растут в неполных или неблагополучных семьях, с самых ранних лет предоставлены самим себе. Способности такого ребенка могут быть достаточно высокими, но область его интересов очень узка, лежит в пределах двора или квартала, где он общается с такими же, как он, детьми улицы, разумеется, ничем не обогатившись от них и ничем не обогащая их, кроме навыков практического выживания. Иногда такие дети производят очень приятное впечатление своей самостоятельностью и

смысленностью, но будущее их, как правило, рисуется отнюдь не в радужных красках. Несмотря на вполне удовлетворительные способности, в начальной школе они, как правило, числятся в отстающих. В средней школе им может повезти. Это произойдет, если на их пути встретится талантливый педагог, который сумеет передать такому ребенку свою любовь и свой интерес к какому-либо предмету, пробудив тем самым дремлющие возможности детского мозга. Совершенно не обязательно, что жизнь ребенка впоследствии будет связана с химией или ботаникой, — но мозг уже начал работать, и начался процесс формирования познавательных интересов, пищу для которых можно отыскать практически везде. Все мы слышали, а больше читали о таких случаях. К сожалению, в жизни они встречаются крайне редко. Автору посчастливилось наблюдать всего два таких эпизода.

Читающие и нечитающие дети

Ни для кого не секрет, что сегодня все больше детей вырастает, так и не взяв в руки книгу. Их литературный опыт ограничивается комиксами, более-менее случайными журналами, а впоследствии — вялыми попытками освоить произведения школьной программы в сокращенном изложении.

Как бороться с таким положением вещей и надо ли с ним бороться вообще? Вот тот вопрос, который часто задают родители. Попробуем разбираться.

В чем причина того, что сегодня дети в среднем читают меньше, чем их сверстники четверть века назад? Можно предположить, что ответственны за это несколько причин, в том числе — изменение информационного потока, общее ускорение темпов жизни, изменение общественных ценностей и изменившееся отношение к книге вообще. Начнем с последнего. Наблюдая разноцветные развалы с полуголыми девицами и космическими монстрами (а именно так впервые видят книги наши дети), никакому нормальному человеку не придет в голову произнести какую-нибудь привычную для предыдущих поколений фразу, типа «Всем лучшим в себе я обязан книге» или «Любите книгу — источник знаний», или даже «Книга — это святое». До высоких библиотечных залов и пыльных фолиантов доходят далеко не все, а книжные развалы во множестве видел любой ребенок абсолютно любого возраста.

Далее. Все большее количество информации, особенно информации, актуальной для юношества и массовой культуры в целом, идет сегодня

через аудио- и видеопroduкцию, телевизор, через компьютер и компьютерные сети. Это объективная реальность, и с этим ничего не поделаешь.

Общее ускорение темпов жизни и, пожалуй, даже каких-то сторон мышления заключается в том, что ребенок с детства привыкает к определенному удельному количеству информации и событий на единицу экранного или книжного времени. Это количество, судя по современным мультфильмам и видеоклипам, очень велико. Большинство взрослых просто не способно следить за этими бесконечными «шлёпами», погонями, содроганиями и падениями, которым с неунывающим постоянством подвергаются современные мультяшные герои. Дети делают это легко. Привыкнув к такой плотности информации, наши дети, естественно, с трудом читают, к примеру, английские или русские романы девятнадцатого века, где скорость существования событий и образов принципиально отличается от современных клипов или продукции диснеевской киностудии. Для того чтобы они все же это делали, нужны специальные приемы, о которых мы будем говорить ниже.

И наконец. Сегодня ребенок или подросток, проводящий большую часть своей жизни за чтением художественной или научно-популярной литературы, часто воспринимается другими детьми как почти комический персонаж. Даже если это и не так, то у сверстников во всяком случае возникают (зачастую обоснованные) сомнения в приспособленности такого ребенка к жизни. То есть молодежное общественное мнение постепенно отходит от «высоколобых» в сторону «своих парней и девочек».

Подведем итог. Дети мало читают, и это вроде бы нормально. Но предположим, что мы имеем достаточно культурную, читающую семью, которая хотела бы любыми средствами добиться того, чтобы их дети читали книги. Что делать таким родителям?

В первую очередь, определиться. Что вы хотели бы видеть в руках своих детей? Современное криминально-любовно-фэнтезийное чтиво? Тогда не стоит даже особенно напрягаться. Вы хотите, чтобы ваш ребенок «нес с базара Белинского и Гоголя», зачитывался Пушкиным, Мольером и Достоевским? Вот здесь придется потрудиться. Для начала придется забыть о комиксах и журналах с наклейками. Читайте маленькому ребенку вслух детскую классику, приучая его и к странноватым на взрослый слух народным сказкам, и к вяловатым описаниям Бианки, и к суховатой политизированности Родари, и к явной социалистической риторике Носова. Не забудьте о дидактике Льва Толстого и Константина Ушинского.

Начиная с пяти-шести лет плотно переходите к историческим повестям для детей, рассказам о животных и сентиментальным повестям. Даже когда ребенок научится читать самостоятельно, не бросайте читать ему вслух, потому что он, конечно, свободно читает букварь или хрестоматию для второго класса, но большие, интересные книжки ему самому еще не осилить. Можно читать по очереди, можно устраивать семейные чтения. Но где-то начиная с восьми лет проявляйте хитрость. Хитрость заключается в том, что чтение обрывается на самом интересном и драматическом месте, у вас появляется неотложное дело, а книжка остается лежать на углу стола. Вряд ли эксперимент пройдет с первой или даже пятой книжкой. Но когда-нибудь наступит такой момент, что ребенок устанет «ждать милостей от природы» и возьмет их сам. Дальше ваша задача — осторожно и настойчиво подсовывать ребенку книги. Упаси вас бог идти по пути прямых рекомендаций. Книжки должны ненавязчиво появляться в вашем доме. Они могут приноситься из библиотеки и просто «выползть» из шкафов. Для начала это должен быть именно тот жанр, к которому принадлежала первая книга ребенка. Историческая повесть о первобытных людях? Пожалуйста! Вот тебе еще одна. «Волшебник Изумрудного города»? Вот тебе продолжение! И так далее. Постепенно расширяйте палитру жанров. Если ваш ребенок с детства привык на слух воспринимать неадаптированный, высокохудожественный текст, то его возможности уже в третьем-четвертом классах весьма широки. Автору известны дети, которые в девятилетнем возрасте с удовольствием читали зануднейшего «Властелина Колец», Жюль Верна и «Чайку по имени Джонатан Ливингстон». И помните: ребенку, который научился читать в вышеописанном смысле, никакие мультики и компьютерные игры не помеха. Он уже умеет воспринимать систему образов с печатного листа настоящей Книги, и другие системы образов не заслоняют, а лишь дополняют его мир. Иногда, подрастая, такие дети перестают читать нравящиеся родителям книги и переходят к современной литературе. В этом нет ничего страшного. Вы сделали все, что могли, и к Пушкину, Шекспиру и Достоевскому ваши дети еще вернутся на следующих этапах возрастного развития.

Фото
Ильи
Ципина

Телик, видик и компьютер. Польза или вред?

Многие дети очень любят смотреть телевизор или видеофильмы. Многие дети могут подолгу просижи-

вать за игровыми приставками, выпрашивая у родителей или выменивая у приятелей все новые и новые картриджи. Обладатели настоящих компьютеров имеют еще больше возможностей времяпрепровождения, включая работу, обучение или развлечения в сети Интернет. Как относиться к этому? Ограничивать или, напротив, предоставить событиям развиваться своим чередом, полагая, что у каждого поколения свои песни?

Автору кажется, что истина, как это часто случается, тяготеет к среднему положению.

Для начала нужно учитывать, с каким именно ребенком мы имеем дело. Сколько ему лет, пять или пятнадцать? Какой у него темперамент? Как у него обстоит дело со здоровьем (в первую очередь нас интересует состояние зрения и нервной системы)? Ответив для себя на эти вопросы, родители вырабатывают индивидуально приемлемую стратегию обращения с чудесами двадцатого века и, по возможности, строго ее придерживаются. Наверняка недопустима такая ситуация: сегодня у вас боевое настроение и вы, поднимая на щит интересы ребенка, через полчаса его от телевизора или компьютера, призывая поиграть, почитать книжку или помочь вам по хозяйству. А завтра к вам пришла подруга и, чтобы ребенок не мешал вашей беседе, вы сами отсылаете его к тому же (очень вредному вчера!) экрану и в течение трех часов не вспоминаете о нем. Это ошибка, бьющая не столько по состоянию здоровья ребенка, сколько по процессу воспитания в целом. В следующий раз, когда вы будете произносить свой монолог о вреде компьютерных игр или долгого просмотра телевизора, ребенок вам попросту не поверит.

А теперь несколько советов, которые могут оказаться полезными родителям, приступившим к выработке этой самой стратегии.

Совет первый. Ограничивайте время, которое ребенок проводит перед экраном телевизора и компьютера. Обоснованно безопасными считаются следующие сроки:

Для ребенка 3–5 лет. Телевизор или видео — 3 раза в день по 20 минут. Компьютер — 1 раз до 30 минут.

Для ребенка 5–7 лет. Телевизор или видео — 3 раза в день по 30–40 минут. Компьютер — 2 раза в день по 20–30 минут.

Для ребенка 7–10 лет. Телевизор или видео — не больше двух часов в день с обязательными перерывами. Компьютер — не больше полутора часов в день, с обязательными перерывами после каждых 20 минут обучения или игры.

Для ребенка старше 10 лет. Телевизор или видео — не больше трех часов в день с обязательными перерывами

вами после каждого часа. Компьютер — не больше двух часов ежедневно, с обязательными перерывами каждые полчаса.

Совет второй. Не пренебрегайте общеизвестными правилами безопасности. Смотреть современный цветной телевизор можно с расстояния не меньше полутора метров. Для старых телевизоров это расстояние должно быть не меньше двух метров. Если у вашего компьютера не слишком современный монитор, обязательно приобретите дополнительный защитный экран. В просмотре телевизионных передач и работе на компьютере каждые 30–40 минут (для маленьких детей каждые 20 минут) обязательно надо делать перерывы.

Совет третий. Если ребенок страдает невропатией, неврозом, небольшими мозговыми нарушениями, ночными страхами или имеет другие неврологические нарушения, необходимо существенно ограничить просмотр чрезмерно возбуждающих ребенка передач. Если у вас есть идея «потренировать» нервную систему здорового, но чрезмерно пугливого и осторожного ребенка, начинайте с чего-нибудь полегче и во время просмотра *все время находитесь рядом с ребенком* (так, чтобы он в любой момент мог до вас дотронуться или прижаться к вам). Если у ребенка серьезное, особенно прогрессирующее, нарушение зрения, то время, указанное в совете первом, следует сократить в полтора–два раза. Если ребенок носит очки, то смотреть телевизор и работать за компьютером он должен непременно в очках.

Совет четвертый. Не забывайте, что «чудеса двадцатого века» — это не только развлечение, но и мощное средство обучения и образования ребенка. Именно поэтому целесообразно (если, конечно, позволяют средства) иметь дома не игровую приставку к телевизору, а настоящий компьютер (чуть-чуть устаревшие, но вполне пригодные для образовательных целей модели стоят сегодня достаточно дешево), не только телевизор, но и видеомаягнитофон. Современные видео- и компьютерные программы могут помочь ребенку обучиться иностранному языку, машинописи и дизайну, научиться работать со справочной литературой, в огромном объеме познакомиться с миром животных и мировой историей, удовлетворить свой познавательный интерес практически в любой области знания и найти себе новых друзей. Все это особенно важно для детей малообщительных, малоподвижных, часто болеющих, и, разумеется, может стать настоящим спасением для детей-инвалидов.

(Окончание в следующем номере)

Мариэтта Чудакова

Александр Твардовский, Михаил Исаковский и Иосиф Бродский о войне и о цене Победы

1.

В сентябре 1942 года поэт Александр Твардовский, с самых первых дней войны оказавшийся на фронте, напечатал в «Красноармейской правде» первые главы своей новой поэмы «Василий Тёркин». В них он сделал то, чего не решился сделать в тот момент с такой прямотой, кажется, никто, — с болью и суровой беспощадностью описал отступление нашей армии в первые месяцы войны, отступление до самой Москвы и до Волги.

Описал воистину как «тяжкий сон» своего героя,

Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошёл он, Вася Тёркин,
Из запаса рядовой,
В просолённой гимнастёрке
Сотни вёрст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Шёл наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шёл поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Шёл он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тётка — где ж она откажет?
Хоть какой, а всё же свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет, провожая:
— Воротиться дай вам Бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

...С осени 1942 года поэма Твардовского, ставшая несомненно главным поэтическим сочинением о войне, будет печататься в газете «Красноармейская правда» всю войну, порою несколько раз в месяц, вплоть до июня 1945 года. Солдаты рвали газету из рук, ожидая новых строк про любимого героя.

И ни разу не будет упомянуто в этой поэме имя главнокомандующего, не сходявшее со страниц газет. Имя того, кто оставил жестко и жестоко руководимую им страну незащищенной перед нашествием, допустил оккупацию огромной ее части.

У Твардовского воюет, несет все тяготы войны, отвоевывает свою страну *народ*.

...Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далёко,
Но всегда твердили:
— Врёшь!

Не зарвёмся, так прорвёмся,
Будем живы — не помрём.
Срок придет — назад вернёмся,
Что отдали — всё вернем.

Трижды возглашает автор в разных местах поэмы: «Взвод! За Родину! Вперед!».

И — ни разу — «За Сталина!»

Это был прямой вызов: «...Официальный и абсолютно непреложный идеологический канон был начисто устранен из поэмы!» — написал недавно известный историк Евгений Плимак. И добавил: «За два года пребывания на передовой я вообще не слышал <...> каких-либо разговоров о Сталине. <...> И в атаку бойцов поднимало не имя Сталина, а классический русский мат». (Также, добросовестно подумав, ответил на мой детский вопрос — правда ли, что в бой шли с возгласом «За Сталина!»? — отец, ушедший в срок лет добровольцем и провоевавший рядовым в пехоте четыре года, от Москвы до Эльбы: «Нет, дочка. «Ура!» — слышал, мат — слышал, имя Сталина, когда в атаку шли, ни разу не слышал».)

Твардовский и здесь не мог отступить от правды, не подтвердить:

...Что в бою — на то он бой —
Лишних слов не надо;
Что вступают там в права
И бывают кстати
Больше прочих те слова,
Что не для печати...

...Уже в «Тёркине» — то есть в «сталинское» время — началась та словесная работа, которую Твардовский повел первым. Это было пародирование *советских* слов.

...Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.
Я одну политбеседу

Повторял:

— Не унывай.

Так как советский язык *политбесед идейных политруков* был в те годы у любого читателя на слуху — на фоне живых речений Тёркина очевидной становилась его мертвечина.

Можно смело сказать, что под пером поэта *оживал*, приобретал права, легализовывался загнанный в угол сугубо частной жизни живой русский язык.

2.

Твардовский, как мог, подбадривал своим стихом отвоевывающих свою землю солдат. Когда же они освободили свою и вступили на землю чужую, когда замаячил конец страшной войны — он счел возможным заговорить в полный голос о том горе, которая она принесла. Так появилась в «Василии Тёркине» глава «Про солдата-сироту».

На земле всего дороже,
Коль имешь про запас
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

А у нашего солдата, —
Хоть сейчас войне отбой,
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята, —
Рисовал дома с трубой...

А узнал солдат о своем огромном несчастье ненароком — когда наша армия, развернувшись, двинулась наконец на запад, освобождая область за областью, после долгой, длившейся два-три года, оккупации, когда никаких известий о семье бойцы, как правило, не имели. Как не имел их, видимо, и сам Твардовский, у которого на Смоленщине под немцем остались родители, братья, сестры...

И вот солдат просит на привале разрешения отлучиться:

...Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный
житель —

До двора — подать рукой.
И вот идет по местам, знакомым
ему «до куста», —

Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И уцелевшие жители сообщают ему, что семьи его уже нет на свете.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

Поэт не берется гадать, что творилось у него в душе.

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, — сирота.

3.

...Предполагают, что именно под воздействием этой главы «Тёркина», напечатанной в конце января 1945 года в «Красноармейской правде», Михаил Исаковский — любимый и высоко чтимый земляк и старший (старше на десятилетие) товарищ Твардовского — написал в том же 1945 году, бесспорно, *лучшее* свое стихотворение:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Он идет — и находит
«в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застрали в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай,

Прасковья,
Героя — мужа своего...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

«...Сойдутся вновь
друзья-подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Эти стихи сразу же стали песней — музыку написал Матвей Блантер. Но петь ее — и по радио, и в концертах — запретили после первого же исполнения. Ее пели только фронтовики-инвалиды в подмосковных электричках, собирая милостыню.

Запрет длился полтора десятилетия, пока, вспоминает Евгений Евтушенко, в 1960 году песню не отважился исполнить во Дворце спорта в Лужниках Марк Бернес. «Прежде чем запеть, он глуховатым голосом прочел, как прозу, вступление: “Враги сожгли родную хату. Сгубили всю его семью”. Четырнадцатитысячный зал встал после этих строк и стоя дослушал песню до конца. Ее запрещали еще не раз, ссылаясь на якобы возмущенное мнение ветеранов. Но в 1965 году герой Сталинграда маршал Чуй-

ков попросил Бернеса ее исполнить на “Голубом огоньке”, прикрыв песню своим прославленным именем». После этого она «стала народным лирическим реквиемом».

4.

А Твардовский вслед за главой «Про солдата-сироту» печатает в марте 1945 года в той же «Красноармейской правде» новую главу — «По дороге на Берлин».

Она открывается потрясающим для советской подцензурной печати, *нигде более не в поэзии советских лет не встречающимся* описанием. Автор поэмы передает движение наступающей, с боями вступившей наконец в Германию армии поразительными по поэтической силе строками — с жесткими реалиями времени:

По дороге на Берлин
Вьётся серый пух перин.

Провода угасших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колёса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Любой фронтовик, дошедший до Германии, с ходу узнавал эту причудливую для непосвященных деталь чужеземного ландшафта поверженной страны... А именно им в первую очередь адресовал свою поэму Твардовский — еще воюющим солдатам, которые шли теперь по бетонным, не пружинящим, как наш асфальт, под сапогом пехотинца, а отбивающим ему подошвы ног дорогам Германии... (Мне в детстве рассказывал об этой разнице в дорожном покрытии, чувствительной для ног, если в день идти по сорок километров, отец.)

Поэт хотел, чтобы солдаты увидели — он пишет *правду*.

Так что это за пух?

И здесь прибегну к рассказу своего отца об этом пухе: «Когда перешли границу, вошли в Польшу, бойцы были на пределе, хотели всё крушить: многие уже знали о гибели близких, о сожженных домах... Командиры уговаривали “Держитесь, ребята — подождите до Германии!” Вошли — все дома *пустые*... Мирное население в страхе бежало: знали уже, что делала в России их армия... И солдаты не знали, как найти выход ярости, — били стекла, зеркала, хрусталь, сервизы... Вспарывали штывками во всех пустых домах перины... Мы шли по дорогам к Берлину — повсюду летел пух...»

Об этом не писали в газетах — ведь советские солдаты *должны были*

вести себя по-другому. Но для Твардовского важнее всего была тяжелая *правда* войны.

5.

И еще раз вернемся к стихотворению Исаковского — к его концовке.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покори...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд.
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Медаль «За взятие Будапешта» была последней из тогдашних наград — ее учредили уже после Победы, в июне 1945 года, для тех, кто брал Будапешт зимой 1944–1945 года.

...Мне всегда мерещится в этих щемящих строках о несбывшихся надеждах (и это, конечно, не только надежда увидеть семью), о несоответствии покорения трех держав — тому, что ожидало солдата дома (не только несчастье в семье, но и советские лагеря для тех, кто побывал в немецких, и нищета, и бесправие) какое-то предвестие моего любимого стихотворения Бродского «На смерть Жукова» — главного полководца Великой Отечественной войны, в армии которого воевал мой отец.

Оно написано в 1974 году в вынужденной эмиграции — в Америке:

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале
как Велизарий или Помпей.

И вот строфа, предшественницами которой считаю я две последние строфы стихотворения Исаковского. Просто Исаковский не имел возможности выразить (а отчасти — и додумать, потому что скована была сама мысль поэтов, числивших себя *советскими*) то, что с такой свободой и с такой горечью выразил Иосиф Бродский; мы позволим себе выделить эти строки:

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, *кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.*

Пафос утопии

В Государственной Третьяковской галерее (на Крымском валу) прошла выставка, посвященная 110-летию со дня рождения Александра Дейнеки — «Работать, строить и не ныть!». Была представлена живопись, графика, скульптура, эскизы к монументально-декоративным работам — всего около 150 произведений. В выставке принимали участие Курская картинная галерея и Русский музей. Выпущена богато иллюстрированная монография о графике Дейнеки, подарочный альбом, гигантский каталог и CD-ROM.

Авто-
портрет
1948

Дейнека никогда не относился к художникам незаслуженно забытым, недооцененным, мало выставляемым. Поэтому грандиозная выставка спустя десять лет после круглой юбилейной даты, заранее подготовленная монография, роскошный каталог вызывают не то что недоумение, но некоторое смущение. Кураторы выставки стараются развеять все сомнения. Они объясняют, что долгие годы творчество Дейнеки рассматривалось в контексте советской идеологии, теперь же пришло время непредвзятого и широкого взгляда...

Отбросив всякую предвзятость, останавливаясь перед плакатом, которым открывается выставка и который дал ей название. Изображает он бегущую физкультурницу («Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником обязан»). Плакат этот очень известен, он примелькался — вошел в хрестоматии, учебники, кинохронику. Но снова рассматривая его, соглашаешься: это действительно классика. Стремительность движения ощущаешь физически. Физкультурница вырывается с плаката на улицу.

Хрестоматийны «Оборона Петрограда» и «На стройке новых цехов». Но еще раз поражаешься способности художника выстроить картину на под-

Лыжники
1931

Вверху:
Утренняя
зарядка
1932

черкнутом ритме движущихся масс. Совершенно отчетливо слышишь эту твердую, неотвратимую поступь вооруженных рабочих-бойцов (среди них есть и женщины). А на мосту в противоположном направлении идут раненые после боя, хромая, хватаясь за перила. Композиция эта заимствована у швейцарского экспрессиониста Фридриха Ходлера, но переосмыслена, переделана и производит впечатление совершенно оригинальной. Подобное заимствование не считалось предосудительным, как не считалось зазорным использование фотографии. Дейнека увлекался моментальной фотографией, ломающей обычную перспективу, дающей неожиданные ракурсы, фиксирующей неожиданные позы и повороты движущейся фигуры. В картине «На стройке новых цехов» фигура женщины на первый взгляд кажется неуклюжей, вывернутой. Художник соединил несколько ракурсов движущейся фигуры. Он преодолел статику. Энергия движения получила конкретное воплощение. Вот почему мы физически ее ощущаем. Она захватывает, в ней есть наступательность. Один из художественных критиков настаивал на том, что мощь Дейнеки агрессивна. Но это зависит от восприятия.

Очень много картин о спорте. Совершенно новая тема для русской живописи. Рождена ли она временем или личным увлечением художника? Если судить по автопортрету 1946 года, спортивную форму художник сохранял до старости. И все же вспомним историю: спорт, культ здорового тела, молодости — установка нового государства, и это мироощущение, воздух той реальности, которую создает на своих полотнах художник. Отнюдь не тождественной исторической реальности.

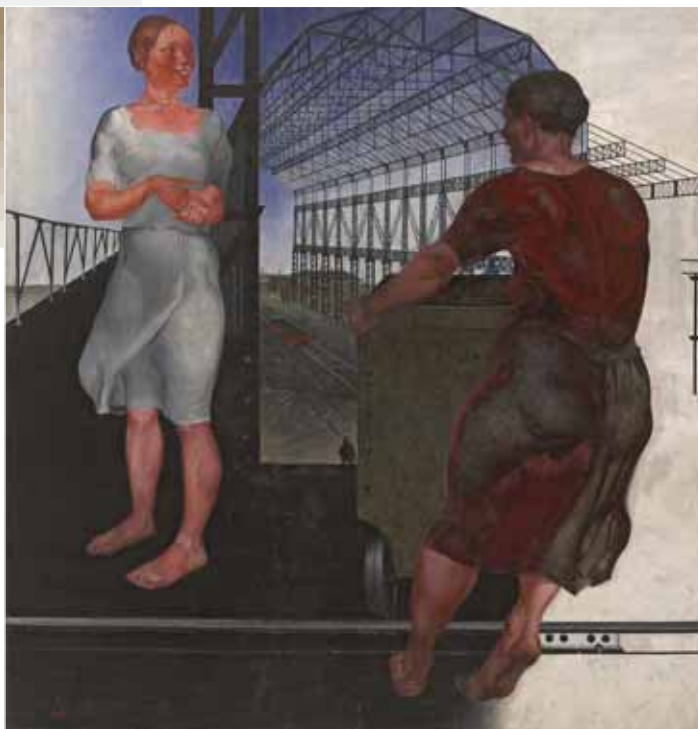
Вот взлетевшая фигура футболиста с мячом в руках на фоне колокольни. Такая вроде бы отвлеченная от политики тема, как спорт, оказывается, пропитана пафосом переустройства мира: «Чтоб... в мускулы усталые лилась строящая и бунтующая сила». О какой уж тут свободе от идеологии можно говорить!

Физкультурница
Плакат.
1933

Он был талантлив, он был искренен, был темпераментен. И тем не менее, свой талант он отдал на службу утопической коммунистической идее. Его творчество оправдывает само существование социалистического реализма. Но оправдывает ли его? Он не пел «песнь вождю», не писал его портреты. А ведь даже Сарьян написал «Встречу Ленина с детьми» (в это трудно поверить!). В самые страшные годы, обласканный властями, Дейнека получает престижные заказы: для Всемирной выставки в Париже 1937 года пишет монументальные панно «Стахановцы», «Отчет колхозной бригады»; в 1938-м создает 35 эскизов мозаичных панно для плафонов станции метро «Маяковская». Тему их он определяет так: «Сутки страны Советов». И комментирует: «Жизнь СССР бьет полным пульсом круглые сутки». На плафонах небо ночное, утреннее, сияющий полдень, сумерки. На фоне неба цветут апельсины, прячут гимнасты, плывут парашютисты, летят самолеты... Для Дейнеки важно создать «впечатление подъема вверх, доведя ощущение до легкого головокружения». И, действительно, глубина неба на мозаиках вызывает головокружение. Только в движущейся толпе это состояние довольно опасно...

В накали, безмерности оптимизма художника, в желании показать будни как вечный праздник чувствуется перебор, а иногда и фальшь. Подменяя реальность вымыслом, он, возможно, убеждал не только зрителя, но и себя. Да и интересовала ли его

На стройке новых цехов
1926

Вратарь
1934

реальность?.. Почему-то он углубляется в прошлое, начинает писать картины на исторические темы: «Запорожцы», «Никита — первый русский летун»... На выставке они преподнесены как достижение реставрационного искусства — была опасность, что картины эти не сохранятся. Их внимательно рассматривают, но особого интереса они не вызывают.

И все-таки была в его жизни одна большая картина, которая писалась вне идеологического поля — «Сбитый асс». Идет война. Уже написана монументальная, исполненная победного пафоса «Оборона Севастополя», а через год он пишет этого выбросившегося с парашютом немецкого асса, молодого, красивого, падающего на металлические надолбы. Не через десять лет после победы, а в суровом 1943-м Дейнека создает реквием по всем погибшим на войне. Для этого надо было иметь большое мужество.

Эрнст Неизвестный, когда его начали травить, встречался с Дейнекой. Тот посмотрел на его скульптуры и сказал: «Зачем ты вытаскиваешь страдание, жизнь так печальна...» Неожданное признание...

Л. Осипова

Вечерние истории

Софи Каркен

Софи Каркен — французская журналистка и писательница, мама троих детей. Ее статьи и книги посвящены главным образом детской психологии, проблемам воспитания и семейной жизни.

Среди произведений писательницы есть особые сборники «вечерних историй», которые взрослый читает ребенку перед сном. В этих историях действуют традиционные сказочные персонажи — принцы и принцессы, феи, русалки, волшебники, небесные светила, инопланетяне, разные зверюшки. Иногда речь идет о детях в необычных, сказочных обстоятельствах. Порой экзотические элементы вообще отсутствуют, перед нами просто небольшие рассказы. Но каковы бы ни были герои, в каком бы — реальном или фантастическом — мире они ни существовали, они переживают всё то же, что обычные земные дети. Они боятся ночи и темноты, ссорятся и мирятся с друзьями, восстают против строгости родителей, страдают от печали, застенчивости, одиночества, насмешек других или собственного плохого характера. Им приходится переносить семейные ссоры, развод родителей, смерть близкого существа. Они все время задаются вопросами, в том числе и философскими: как жить после смерти того, кто был тебе дорог, существует ли Бог?

Как помочь ребенку ответить на все эти вопросы, как избавить его от тревоги и страхов? Софи Каркен считает, что сказка тут гораздо уместнее, нежели непосредственное обсуждение каких-то конкретных трудностей. Прежде всего — зачастую ребенок не хочет делиться с родителями: те не поймут, осудят, пристыдят... Сказка же — совсем иное дело. Взрослый произносит: «Жил-был...», и ребенок оказывается в далеком, может быть, даже выдуманном мире. Там живет юный волшебник, умный и талантливый, но плохо успевающий в школе магии из-за неуверенности в себе, маленький марсианин, которого дразнят, потому что на голове у него четыре антенны вместо положенных двух, мышка, ненароком обидевшая подружку и теперь старающаяся восстановить прежнюю близость. Ребенку это «кое-что напоминает», но ведь речь идет о других, поэтому ему легче посмотреть на ситуацию со стороны и даже завязать диалог со взрослыми.

Почти все сказки сопровождаются комментарием для родителей. Софи Каркен старается объяснить поведение ребенка в тех или иных обстоятельствах, советует, как поступать, что говорить. Советы и комментарии достаточно просты, но в любом случае неопытным родителям они будут полезны, а у более опытных могут вызвать желание узнать больше.

Автор описывает и ритуал «вечерней истории». Гасится большой свет, зажигается лампа. В этот момент все дневные неприятности и взаимные упреки должны быть забыты. Взрослый в меру своих возможностей становится актером, меняет голос, разнообразит интонации. Рассказ, прочитанный монотонно и наспех, не дойдет до сердца ребенка.

По образному выражению Софи Каркен, «вечерние истории» подобны белым камешкам, которые бросал на землю Мальчик-с-пальчик: они помогут найти правильный путь в дебрях жизни.

Публикуемые сказки взяты из книги «Сказки для детей. И для взрослых», впервые изданной в 2003 году.

И. Дмоховская (Париж)

Медвежонок, который не хотел впадать в спячку

Наступает ноябрь, и в лесах северной Канады природа погружается в сон. День начинает зевать все раньше и раньше, звери сворачиваются клубком и прижимаются друг к другу, птицы умолкают, даже муравьи, едва переставляя лапки, ползут к муравейнику. Все знают: пришло время погружаться в спячку.

Самый большой враг леса — это не желтоглазый волк, не шакал, не снежная буря, а просто зима. Из-за нее птицы не могут петь, а фрукты созревать.

Каждый старательно готовит свое гнездо или нору к долгому шестимесячному сну. Муравьи собирают обломки веточек и кусочки мха, кроты роют глубокие подземные ходы, улитки втягивают рожки и забираются внутрь ракушки, подальше от внешнего мира.

В медвежьей семье подготовка тоже идет полным ходом.

— Лео, иди-ка почисти зубы. Вот твой любимый плюшевый медвежонок. Я тебе уже постелила. Ну давай же, сынок, а то весной не проснешься вовремя.

Но Лео побаивался зимы.

Это была его первая спячка, а такие вещи всегда очень трудны для малышей. Сами посудите: вы привыкли целый день бегать и прыгать, а теперь вам нужно залезть в берлогу и лежать неподвижно. Ну как это выдержать?

— Господи, — ворчал Лео, — и зачем только нужна зима? Лучше бы всегда было лето. Я бы бегал вокруг деревьев, засовывал лапу в дупла, находил бы спрятанный мед или валялся на земле, словом, жил бы в свое удовольствие!

— Ох, медвежата, все они такие, — вздыхала его мама Роза.

Как всем мамам, Розе хотелось отдохнуть. Она приготовила столько горшков с медом, связала столько плюшевых одеял, перечинила столько мягких игрушек. А как долго она учила малышей находить мед и при этом не попадаться пчелам! Словом, сейчас ей хотелось только одного — спать, спать, спать... Сто лет, как Спящая красавица.

Все прочие зимы она вспоминала с удовольствием. Забраться в берлогу, свернуться клубком, задремать под биение сердца медвежат, хорошенько отдохнуть, чтобы к весне быть в полной форме. Да, провести зиму в спячке очень приятно! Впрочем, когда Роза была маленькой, она тоже боялась этого долгого сна. Видно, все медвежата одинаковы. Но почему?

Если бы Лео мог объяснить свои ощущения, он, наверное, сказал бы, что ему страшно. Он думал: «Раз я ни за чем не буду следить, все это может измениться и даже исчезнуть». Он просыпается и что же видит: нет ни леса, ни неба. Может, и родителей нет? А вдруг деревья сломаются, вдруг взорвется бомба, мама куда-то пропадет, пчелы улетят в теплые края и не останется ни капли меда. Ни одной бабочки. Вообще ничего!

Мама улыбнулась.

— Зачем думать о плохом? Знаешь, то, что происходит в природе, от тебя ни капельки не зависит. Природа существует миллионы и миллионы лет. Твои дедушка, прадедушка, пра-пра-прадедушка и все их предки всегда проводили

зиму в спячке. Пока ты спишь, Земля продолжает вращаться, и ты вместе с ней. Твое сердце бьется, легкие дышат. И даже глаза видят — то, что происходит в твоих чудесных снах. Ты можешь повернуться на другой бок, услышать во сне какой-то шум. Все это совсем не похоже на смерть, уж поверь мне.

Мама посмотрела Лео прямо в глаза.

— Ты мне веришь?

Лео успокоился. Его тревога растаяла, как снег на солнце. Он устроился поудобнее, закрыл глаза и мирно заснул.

Прошло несколько месяцев, и однажды утром на нос Лео упал солнечный луч. Встав на четвереньки, Лео высунулся из берлоги. Лапы у него занемели — так часто бывает, когда долго спишь. Он знал, что нельзя открывать глаза сразу, а только постепенно, иначе солнце тебя ослепит. Как хорошо пахло вокруг! Сосновыми иголками, немножко мятой, словом, весенней свежестью.

— Ух! Есть хочу! Я бы съел тысячу горшков меда. Побегу в лес, разбужу птиц. Ой, до чего есть хочется!

И так как утро вечера мудренее, Лео побежал искать мед для всей семьи. За долгую ночь он еще и повзрослел.

Родителям

Почему дети не любят ложиться спать

Ночь для детей — это одиночество, переход от игры к неподвижности, от общей семейной жизни к одиночеству, от света к тьме, от осмысленного движения к пустоте. Столько перемен, которые, конечно же, пугают малышей. Даже грудные дети, когда их укладывают в постель, иногда начинают беспричинно кричать и плакать.

И все-таки ночь необходима. Не только для того, чтобы выспаться, но и чтобы привыкнуть к одиночеству. Это помогает ребенку расти. Он впервые остается лицом к лицу с самим собой.

Почему дети должны засыпать в одиночестве

Потому что никто другой не может заснуть на их месте! В том числе и мама, которой вовсе не нужно долго сидеть у детской кроватки. Всячески стараясь успокоить встревоженного малыша, вы только углубляете проблему. Он истолкует ваше поведение однозначно: «Конечно, в темноте страшно, без меня ты не заснешь». И пошло-поехало... Просьбы, уговоры и взаимные страдания растянутся на долгие месяцы.

На самом деле, ложась вечером в постель, ребенок усваивает первый урок одиночества. Урок, без которого в жизни обойтись невозможно.

Чем можно помочь ребенку

Сообщите заранее, что подходит время ложиться спать. «Через десять минут в постель, скажи всем: «Спокойной ночи!».

Почитайте ему на ночь — одну или две истории, но не больше, и никаких споров по этому поводу. Зато можете оставить в постели любимую игрушку и положить рядом книжку.

Соберите вместе с ним одежду на завтра и повесьте ее на стул, на виду. Это как залог перехода к новому дню, своего рода способ сказать: «До завтра!».

Поговорите с ним о том, что он будет делать на следующий день.

Никогда не прибегайте к угрозам вроде: «Плохо себя ведешь? Немедленно в постель!».

Укладывая ребенка, старайтесь вести себя как можно спокойнее. Это самый неподходящий момент для проявления нервозности и отрицательных эмоций. Если вы тяжело вздыхаете, если идете, как на заклание, переход ко сну превращается в пытку. И для вас, и для ребенка.

Ключевые фразы

«Спать нужно обязательно — чтобы отдохнуть и набраться сил и энергии. Завтра утром ты будешь в полной форме».

«Не бойся, ночью с тобой ничего не случится. Ты спишь, но Земля все равно продолжает вращаться».

«Пока ты спишь, ты растешь. Есть такой гормон роста, он выделяется ночью, когда дети спят».

Мышки из оперного театра

На одном чердаке в Париже жила мышиная семья. Но чердак этот был не простой, а чердак над оперным театром. Известно, что мыши очень умны, но мало кто знает, какой у них тонкий музыкальный слух. Наши мышки потому здесь и поселились, что через вентиляционное отверстие до них доносилась музыка. Как они были счастливы, когда, сложив лапки, слушали любимые мелодии.

Семья состояла из дедушки, бабушки, папы, мамы и двух дочек — Эльзы и Эльзи. На каждую премьеру взрослые надевали фраки и длинные белые платья, а девочки — розовые балетные пачки, сшитые из брошенного кем-то куска тюля. Когда в театре давали «Щелкунчика», Эльза и Эльзи танцевали на пуантах. Они мечтали стать балеринами и даже примадоннами.

В этой семье мало разговаривали. Мыши вообще очень сдержанны и застенчивы, наверно, поэтому они и любят музыку. Они скрещивали лапки, закрывали глаза и слушали в восторженном молчании. Если бы кто-нибудь обратился к ним с вопросом, они скорее всего ответили бы:

— Тсс! Пусть за нас говорит музыка.

Вот так.

Они любили, когда музыка говорила вместо них.

Жизнь текла, как долгая-долгая музыкальная фраза. Но жизнь не всегда бывает добра. Не спрашивай меня, почему. Иногда мелодия обрывается и сменяется какофонией. Так происходит и в жизни — это называется «несчастный случай».

В день, когда Эльзе исполнилось четыре года, она танцевала на пуантах и не заметила, как к ней подкрался Верди, кот дирижера. Он клацнул острыми зубами — раз-раз, и проглотил ее. Так и не стало примадонны. Конечно, Эльза могла бы утонуть или подхватить какую-нибудь болезнь, от которой не застрахована ни одна мышка. И все произошло бы так же быстро, и это назвали бы драмой. Но не стоит расстраиваться. Такие вещи случаются очень редко, один раз на миллиард. Ведь даже маленькие мышки, которым не больше четырех лет, умеют защищаться от судьбы.

А может, ты думаешь: «Кот съел мыш, ну и что? Это же естественно. Чего тут переживать и лить слезы?»

Но когда смерть случается в семье, даже мышиною, это ужасное несчастье. Особенно если погибает девочка по имени Эльза, которой всего четыре года. Родители мучились: «Никогда, никогда мы этого не забудем». Эльзи думала: «Почему она, а не я?» Но хуже всего было бабушке с дедушкой. Седовласая бабушка все время задавала себе один и тот же вопрос: «Как это возможно? Смерть ошиблась. Не Эльза, а мы должны были уйти первыми».

Невыносимо грустная нота, журчание слез, тишина, пауза, какофония, и все это внутри, в сердце. Что еще тут можно сказать? Только то, что музыка изменилась, под нее больше не хотелось мечтать, она не радовала, а лишь усиливала страшное горе. Слушаешь музыку и ощущаешь бесконечную печаль и тоску по прошлому.

Для мышек музыка стала непереносимой. Напоминая о сестренке, она переворачивала им душу. Никогда больше они не увидят маленькую танцовщицу! Прежде музыка зачаровывала мышек, теперь они ее ненавидели.

Каждый аккорд разрывал им сердце. Не говоря ни слова, они заделали вентиляционное отверстие, заткнули себе уши ватой и сами стали как мертвые. Это называется «траур».

Иногда на глазах у них вдруг появлялись слезы. Мышки торопливо смахивали их и ворчали:

— До чего же пыльно на этом чердаке! Надо, в конце концов, собраться с силами и привести все в порядок.

Прошло несколько долгих недель. Однажды Эльзи, крепко прижавшись ухом к полу, услышала первые такты «Щелкунчика» — любимую мелодию Эльзы. В душе Эльзи что-то задрожало, как будто достали из футляра скрипку, долгие годы лежавшую без движения. Странно, но музыка перестала вызывать грусть. Эльзи принялась танцевать на пуантах.

Мышки вновь открыли вентиляционное отверстие и стали в молчании слушать музыку. Как она была прекрасна, эта музыка, звучавшая откуда-то издалека, из глубин

мира, и, может быть, из сердца Эльзы! Мыши складывали лапки, закрывали глаза и слушали музыку еще восторженнее, чем раньше.

Они слышали смех Эльзы, видели, как она танцует и кружится на пуантах. «Я теперь знаю, почему так люблю музыку, — думал папа. — Музыка раздвигает границы мира и уносит нас далеко-далеко, туда, где, может быть, пребывает Бог. И Эльза». Но вслух папа ничего не говорил.

Мама думала: «Музыка рассказывает нам о тех краях, где пребывает Бог и все покинувшие нас. Но это не земные края, они на небесах. Потому-то музыка так прекрасна». Но мама ничего не говорила.

Эльзи думала: «Это как альбом фотографий. Услышу несколько аккордов, и передо мной появляется Эльза». Но Эльза молчала.

— А я, — сказала бабушка, — я слышу нашу Эльзу, ее смех. Вижу, как она кружится в своей розовой пачке. Вы только прислушайтесь. Как будто она здесь, с нами.

Бабушка и сама не заметила, что говорит вслух. Она первая произнесла имя Эльзы, и ее слова прозвучали громко и звонко, как в соборе.

Мама торопливо вытерла слезу уголком фартука. «Опять пыль в глаз попала, — проворчала она. — Кто же наконец возьмется за уборку?»

А толстому коту не давали покоя угрызения совести. У него было очень тяжело на сердце. Он думал: «А ну их, мышей. Скверно перевариваются... Уж больно умные».

И он насовсем убежал с чердака оперного театра, решив переключиться на золотых рыбок.

Проблема смерти

Франсуаза Дольто писала: «В доме дети и кошки всегда знают всё». И правда, сколько раз мы убеждались, что дети ненавидят секреты, табу, умолчания. Попробуйте скрыть что бы то ни было — вряд ли это удастся.

В каком возрасте говорить с ребенком о смерти? Психологи считают, что в четыре года у малыша уже есть о ней некоторое представление, хотя он еще не понимает, что смерть неотвратима и неизбежна.

К шести годам ребенок постепенно перестает верить в Рождественского деда, гномиков и прочих сказочных существ. Теперь ему можно рассказывать о жизненном цикле — от рождения до смерти.

Приблизительно в восемь лет он осознает, что смерть рано или поздно наступит для всех, что это неотвратимо.

Реакция ребенка

Она может быть совершенно неожиданной. Ребенок вдруг покажется вам рассеянным, он вскочит с места, схватит лист бумаги, начнет рисовать... Это не значит, что он вас не слушает, наоборот.

Смерть близкого

У ребенка умер кто-то близкий — дедушка, двоюродный брат, даже котенок. Как реагировать?

Можно упомянуть о постоянной смене поколений. «Дедушка родился до папы, а папа до тебя». «Не грусти, дедушки больше нет, потому что он окончил свою жизнь».

Если умер младший братишка или сестренка: «Иногда жизнь бывает жестокой, происходят несчастные случаи. Будь очень осторожен».

Дети всегда готовы искать виноватого. Надо непременно добавить: «Он умер, но ничьей вины в этом нет».

Можно сказать о том, что покойный как бы продолжает существовать и после смерти. Для верующих — на небесах, для неверующих — в воспоминаниях, в музыке...

Должен ли ребенок присутствовать на похоронах?

Это можно предложить, начиная с шести-семи лет. И ни в коем случае не запрещать под предлогом, что он еще слишком мал. Чрезмерное стремление оградить ребенка от страданий может привести только к ненужным травмам и умолчаниям. Можно и не брать ребенка на похороны, но через несколько дней отвести его на могилу.

Ключевые фразы

«Того, кого любили, никогда не забывают. Мертвые продолжают жить в нас. Твой дедушка многому тебя научил, ведь правда? Значит, он продолжает жить в тебе».

«Сначала мы будем испытывать грусть, как будто что-то в нас умерло, нам будет все время хотеться плакать. А потом постепенно на смену грусти придет что-то другое, спокойное и глубокое. Воспоминания... Мы не забудем его».

Разумеется, не стоит говорить: «Он уехал надолго» или «Он уснул». Каждое слово имеет определенный смысл, и не надо смешивать понятия сна и смерти.

Маленькая принцесса в башне

Жила-была маленькая принцесса. В один не прекрасный день она проснулась и почувствовала, что в душе у нее все шиворот-навыворот. Только она встала, как глаза защипало от слез, а на сердце навалилось тяжелое серое облако. Но, главное, ей ничего не хотелось — ни шоколада, ни конфет. Не хотелось играть в куклы. От конфет только зубы портятся. С куклами не поговоришь. И вообще когда-нибудь все исчезнет. Солнце, море, может быть, даже я...

Как она раньше смеялась, как весело бегала повсюду! А сейчас забила в угол, и над ней висела давящая черная туча. Из-за этой тучи все потеряло цвет. Стены замка почернели, озерцо, где плавал лебедь, казалось серым. Все стало серо-зеленым или серо-черным.

Принцесса заперлась в самой высокой башне королевства, на 4556-м этаже. Теперь она только и делала, что лила слезы, ужасно грустные и ужасно соленые. Она пролила их литрами, декалитрами и гектолитрами. Слезы принцессы священные, их нельзя просто вылить. Лакеи-собиратели слез наполняли бутылку за бутылкой и опорожняли их в соленый пруд в центре королевства, куда лебеди прилетали, только когда умирали от тоски.

Если принцесса не плакала, то вздыхала. Приходилось подметать все эти вздохи, чтобы они не собирались в углах большими серыми хлопьями. Подметальщики работали день и ночь, так что им самим некогда было вздохнуть, а потом ссыпали принцессыны вздохи в банки с притертыми пробками.

Надо было еще выковыривать из щелей паркета черные мысли, отирать прилипшие к потолку серые тайны и выгонять тяжкие заботы.

— Но что же с ней такое? — недоумевал король. — Может, в школе принцесса она поссорилась с подругой, или с поклонником, или с учителем? А вдруг мы виноваты? Или это болезнь роста?

— Да это из-за того, наверное, что она растет, — грустно отвечала королева.

Лакеи — собиратели слез, гонители забот и подметальщики вздохов — не успевали справляться с работой и со слезным наводнением. Вскоре им пришлось передвигаться из комнаты в комнату в гондолах. А принцесса смотрелась в слезное озеро, как в зеркало, и видела там только свою печаль.

— Ах, как мне грустно!

От этого ей становилось еще грустнее. Так бывает всегда: стоит только подумать, что тебе тяжело, как становится еще тяжелее.

Чем только ни старались король и королева развлечь принцессу! Они предлагали ей конфеты, пирожные, игрушки, приглашали самых известных врачей, канатоходцев и клоунов. Ты не представляешь, сколько клоунов побывало в замке. Одному, самому талантливому, удалось вызвать у принцессы малюсенькую улыбку. После спектакля, длившегося двенадцать часов, принцесса издала короткий смешок. Из этого смешка ювелир тут же изготовил кулон, который королева с тех пор носила не снимая.

Но принцесса по-прежнему тосковала. Все считали, что ее заколдовали злые силы, поэтому король с королевой позвали всех, каких только можно, целителей. Те размахивали связками чеснока, ели сырой лук, пили вино и кричали: «Печаль, приказываю тебе уйти! Тоска, вон отсюда!». Но ничего не менялось.

Родителям

Так прошло сто лет (потому что, если вам грустно, время тянется ужасно медленно). Но в один прекрасный день принцесса проснулась и почувствовала, что у нее легко на сердце, так легко, что не нужно даже вздыхать, чтобы сердце билось. Сквозь толстые занавески пробивался солнечный луч. Это внезапно наступила весна. Увидев солнце, принцесса засмеялась. Выездные лакеи, комнатные лакеи, лакеи — собиратели слез соскочили с кроватей. Гувернантка приплыла в гондоле, потому что еще накануне принцесса много плакала.

— Привет, привет, — закричала принцесса, радостно подпрыгивая. — Скорее причешывайте, скорее одевайте, только во что-нибудь яркое — розовое, красное, желтое!

Одевшись, принцесса решила прогуляться. Она так и слетела с 4556-го этажа, потому что теперь у нее словно крылья выросли.

На улице принцесса увидела зеленую траву и розы, которые от радости сразу распустились. Прищурив глаза, принцесса разглядела вдалеке две одинаковые башни и серый пруд. «Что это?» Привратник показал на одну из башен:

— Там заперты печальные вздохи.

— А рядом?

— В другой башне черные мысли, мы их выбелили известкой. Пруд — это слезы, которые вы наплакали.

— Как красиво! — сказала принцесса.

Когда король с королевой встали и увидели веселую улыбку дочки, королева громко вскрикнула от радости. Потому что, если дети грустят, их мамы тоже грустят. Поскольку принцесса подросла, она попросила, чтобы ей выстроили отдельный маленький домик. Это было ее первое желание за много лет. Лакеи, привыкшие иметь дело со вздохами, принялись за работу. Прежде всего, они соорудили из вздохов удобную серо-розовую кровать. Из черных (и нескольких розовых) мыслей построили стены домика, а из секретов сделали потолок.

Получился настоящий дом принцессы, созданный из радости и печали, как сама жизнь. Король и королева поняли, что их дочка выросла.

— Пусть и дальше растет сама, не будем ей мешать, — прошептала королева.

И принцесса продолжала расти. Бывало иногда, что в голове у нее заводилась черная мысль, ползала там, как муравей, а потом опять исчезала.

— Это девичья тайна, — шептала королева. — Это не страшно, доченька. Что было раньше, то кончено навсегда.

Дети, страдающие депрессией

По мнению специалистов, в наши дни депрессия начинается у детей все раньше и раньше, иногда в шесть-семь лет, причем чаще у мальчиков.

Обычно это все-таки не настоящая тяжелая депрессия, а скорее отдельные симптомы. Они могут возникнуть после переезда, рождения брата или сестры, развода, семейной ссоры...

Наконец, причины детской депрессии могут, по мнению специалистов, быть и наследственными — гораздо чаще, чем можно предположить.

Признаки настоящей депрессии

Ребенок ни с кем не хочет общаться. Он уединяется в своей комнате (как в башне!), отказывается ходить на дни рождения, не хочет играть и даже смотреть телевизор. Ему трудно поддерживать контакты со сверстниками. Все это очень важные симптомы.

Ребенок чувствует себя слабым и усталым, и родители пичкают его витаминами. А на деле его энергия уходит в основном на то, чтобы справляться с депрессией.

Другие признаки: спазматический кашель, моргание, повторяющиеся жесты. Ребенок может начать заикаться, у него появляются мании или фобии. Нарушается сон, пропадает или, наоборот, непомерно увеличивается аппетит.

Возникают трудности в школе, резко ухудшаются отметки.

Как помочь?

Пойдите к детскому психологу или психотерапевту. При этом не обращайтесь с ребенком как с младенцем или инвалидом, это только ухудшит его состояние. Он может подумать: «Я хуже маленького», «Я ни на что не способен», «Я бездарь».

В серьезных случаях, если врач выпишет лекарства, в частности антидепрессанты, не отказывайтесь. Ребенок будет принимать их, сколько нужно, и никакой зависимости у него не разовьется.

Благотворно действуют любые способы самовыражения — рисование, театр, спорт, музыка. Пусть ребенок занимается тем, что ему нравится, и, разумеется, ни к чему его не принуждайте.

Ключевые фразы

«Я всегда готова тебя выслушать. Я тебя не заставляю говорить, но если хочешь, пожалуйста».

«Мне кажется, что тебе грустно и что твоя грусть от болезни. От всех болезней существуют лекарства, от этой тоже. Есть врачи, с которыми ты можешь поговорить, и, наверно, они сумеют тебе помочь».

Страх осуждения чувство вины Враждебность

Стыд

ПЛОХАЯ МАТЬ Гнев

Бессилие Крик о помощи

Юлия
Корчагина

Грозная Великая Мать оглядывает нас, неловко поместившихся в одежде за партами не по размеру.

Она регулярно пишет мне письма о поведении моего сына, вкладывая листочки в школьный дневник. Я не поддаюсь, я знаю, куда ведут благие намерения, особенно педагогические.

Я подолгу составляю ответы, снова и снова проверяя написанное. Ошибешься — черкнет брезгливо красной ручкой и пришлет тебе обратно — как для работы над ошибками. В классе скажет моему сыну сквозь зубы: *яблочко от яблони...*

Принципиальность, заслуживающая уважения.

Великая Мать смотрит на меня осуждающими глазами всего мира: пришло время расплаты и жертвоприношений.

Как же ее умиловить? Я — боюсь. Ближайший час я буду состоять из простейших психологических защит, против которых смогу выставить только одно сомнительное лекарство — тренированное сознание. Ну, и умение крепко сжимать зубы.

Молча слушаю, улыбаюсь оцепенелой улыбкой. Не умереть от ужаса. Не уничтожить в гневе — ее, себя, сына.

Запахиваю куртку, пряча под ней самое уязвимое. Я готовила его к выходу, как костюм, — свой материнский образ. Может, не заметят. Но Праматерь не обманешь. Смотрит презрительно: заметила, что не наряд это, а так, жалкая тряпочка.

Я еще пытаюсь сохранить лицо, но уже все очевидно. Я ничего не смогла. И пусть бы только я была отвержена, но — сын... Я не увела его — туда, где нет войны, где не бьются Праматери с младенцами.

Лежу теперь на земле, смотрю в небо, а где-то рядом продолжается бой. Где теперь мой ребенок? Воюет еще? Или сдался? Или лежит на другом краю поля, ждет. Отойдут войска подальше, поднимется он — да побредет куда-то. На меня ему не опереться, я сама встать не могу.

Мимо Праматерь прошла, взглядом скользнула мимолетно, но словом не удостоила — знай свое место. Ну да богу — богово, а мне — что заслужила. Лежу. Есть время подумать.

Откуда приходит любовь к детям? Из умных педагогических книг, наполненных сентенциями на любой вкус — подешевле, подороже? Я прочитала их великое множество, и они мало чем мне помогли. Лучшие из них растревожили душу, приоткрыв глубину и сложность мира любви, жизни и смерти. Почему они не стали мне надежной опорой? Знания, из них почерпнутые, остались плавать масляным пятном на поверхности, не проникая вглубь. Им просто не оказалось там места: гремучая смесь воспоминаний и грусти доходила до краев, неизбежно выплескиваясь наружу при малейшей потере равновесия.

Мой детский опыт был полон печали. Мог ли он быть иным? Нет, не мог — ибо детский опыт моей матери был еще печальнее... Мне так и не удалось узнать, испытывала ли она когда-нибудь ко мне — нет, не любовь, конечно, но хотя бы симпатию, сочувствие. Замечала ли она меня, в конце концов?

Мое дошкольное детство прошло у бабушки. Мама приезжала раз в месяц, иногда реже. Радостное ожидание ее приезда каждый раз сменялось разочарованием. Я решительно не знала, о чем надо с ней разговаривать, только неловко стояла рядом с какой-то неуютностью в душе. По-моему, это сильно злило и обижало ее, она подозревала бабушку в дурном влиянии и ругалась с ней громким шепотом, закрывшись на кухне. Кажется, через некоторое время я перестала по ней скучать.

Бабушка была старенькой, тихой и очень аккуратной. Она застилала мою кровать белым, почти больничным покрывалом, и беспрестанно шепча что-то, похожее на молитву, неспешно убиралась в квартиру.

— Иди, поиграй немного! — говорила мне бабушка.

Но я не играла. Я ставила локти на белый подоконник, упиралась лбом в белую оконную раму и смотрела на улицу. Зимы во времена моего детства были долгими. Я смотрела в окно и ждала.

В окне — белый снег, черные деревья, серый дом напротив.

В комнате — белый потолок, белое покрывало на кровати, серые обои с мелким рисунком.

Сколько нас — девочек из белых комнат, бредящих любовью? Девочек, желающих спастись детьми — и не спасшихся? И у белого окна это не мы теперь ждем, это — нас.

А мы смотрим и не понимаем, как это могло произойти. Дети? Это мы их родили. Но мы ведь сами едва-едва научились ходить... Мы в растерянности пытаемся улизнуть, отравленные пониманием собственной пагубности.

Нам тревожно и одиноко, наше инфантильное Это холодно и бесплодно. Мы ненастоящие взрослые. Мы выглядим как взрослые, выполняем взрослые дела: ходим на работу, в магазин, готовим еду... И даже иногда верим в то, что нам удалось вырасти. Но в такие дни, как сегодня, вся наша взрослость улетучивается в один миг, уступая место младенческой беспомощности. Мы попали в ловушку: дети не могут родиться обратно, они разрушат нас и спляшут на наших костях задорный танец победителя.

Мы терпим, мы ждем, когда наши дети вырастут. Мы жалеем их, злимся, раскаиваемся, снова жалеем и снова злимся. Мы воспитываем их под прицелом множества оценивающих глаз, всё про нас знающих. Мы — недостойные. И даже успех, достигнутый нами в чем-то другом, оборачивается против, лишь подчеркивая нашу родительскую непригодность.

Со временем мы как-то приспосабливаемся. Взрослая жизнь шлифует нас, и мы уравниваемся в своих судьбах с другими, более желанными. Мы почти все выживаем, и даже живем, и даже бываем счастливы.

Великая Мать! Вы умели припечатать лучше других. Прошло уже достаточно много времени, и я могу Вам рассказать, как все сложилось. Знаете, Праматерь, зря Вы писали мне письма красной ручкой, это пустое. Мой сын вырос, слава богу, он вырос. Я не буду лгать Вам о безоблачной и прекрасной жизни — бывает по-разному. Но, падая, мы каждый раз поднимаемся и идем вперед. Внутренний покой уже стал привычнее, чем тревога и страх. Я даже успела побыть опорой сыну до того, как он повзрослел окончательно. Я научилась быть рядом со своей мамой раньше, чем она оставила меня насовсем.

И все-таки мне обидно, что Вы были еще одной, лишней преградой между мной и сыном. Добавляли горького и печального. Разумеется, мне Вы ничем не могли помочь, но — ему? Почему становились между, а не рядом? Рядом с ним — по долгу — что же не стояли-то?

Впрочем, какая разница. Я уже забыла Ваше имя, а сын — он выдержал. К тому же у нас были и другие учителя...

Первые статьи цикла «Трудные взрослые» напечатаны в № 3 и 4.

Юлия Владимировна Корчагина, кандидат психологических наук, психолог, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института

Екатерина Донец родилась в 1964 году в Москве. Окончила Школу-студию при МХАТе и ВГИК имени С. А. Герасимова, долгое время работала на Российском телевидении режиссером программ. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Автор нескольких книг. Ее рассказы и повести публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Литературная учеба», «День и Ночь», «Дети Ра», «Новый берег» (Дания).

Рисунок
В. Дмитриюка
и С. Шведова

Письмо

«Здравствуй, родной мой сыночек!

Я понимаю, что тебе тяжело будет это читать, особенно мое веселое “здравствуй”, ведь если ты держишь это письмо в руках, значит, меня уже нет. Но сейчас, когда я сижу и пишу, я еще жива и почти здорова, и сегодня утром ты звонил мне, мы так хорошо с тобой поговорили, и погода вроде хорошая за окном, и болей у меня с утра почти нет, и значит, все-таки — здравствуй.

Мы всегда были с тобой друзьями, всегда были откровенны друг с другом, и спасибо тебе, сыночек, за это. Особенно хорошо и крепко ты дружил с папой. Так, наверное, и должно быть. Но есть одна правда, которую мы с папой так и не собрались тебе сказать, и когда он начал болеть, то мы с ним решили, что я напишу тебе письмо, все расскажу, и ты после нашей смерти, разбирая квартирные документы и счета, обязательно его найдешь и прочитаешь. Не суди нас строго, сынок, мы с папой столько на своем веку пережили, о стольком научились молчать, что говорить какие-то вещи теперь очень и очень непросто.

Я начну издалека, потому что история эта давняя. Ты помнишь, тебе рассказывали, что еще до войны, во второй половине двадцатых годов, когда папа был совсем молодой, он с другими специалистами автопрома ездил на стажировку в Германию, и вернулся в начале тридцатых. Так вот то, о чем ни папа, ни я никогда не говорили тебе: в Германии на заводе папа познакомился с молодой немкой, и у них родился сын. Его назвали Алексеем, как и твоего папу, но по-немецки это звучит — Алекс. Папа не был женат на этой женщине, и когда уезжал обратно в Россию, они с ней договорились, что он устроит их приезд сюда, и они пожениются. Но не случилось, и ты прекрасно понимаешь, почему. И то, что папа тогда уцелел, — это чудо. Чудо и его преданность своей работе. Он действительно был незаменимым специалистом, вопреки тогдашнему лозунгу: «Незаменимых людей у нас нет». Потом, как ты знаешь, в Челябинске, куда эвакуировали завод, папа встретил меня, мы поженились и сразу после войны родился ты. Папа тогда еще все рассказал мне об Алексее и его маме, потому что он был намного старше меня, и было бы странным, если бы до меня у него не было никакой семьи. Ему не хотелось иметь от меня секретов. Он ничего не знал о сыне и об этой женщине с тех пор, как вернулся из Германии, да и узнавать не было никакой возможности, ты же понимаешь. Хотя папа очень сильно переживал за их судьбу. И вдруг в семьдесят пятом году, когда у тебя уже родился Алешенька, а Леночка пошла

в школу, папе пришло из Германии письмо. Та женщина, мама Алекса, нашла папу и написала ему. Не буду упоминать обо всех трудностях и даже унижительных процедурах, с которыми у папы было связано получение этого письма в определенном ведомстве. Слава Богу, он был уже на пенсии, поэтому все обошлось и не было никаких неприятностей с работой. Но именно тогда, в семьдесят пятом, у него случился первый инфаркт. Ну, ты все это помнишь, что об этом писать. Самое главное, сыночек, что было в том письме, из-за чего и разгорелся весь сыр-бор: в сорок четвертом Алекс был мобилизован и воевал в рядах немецких войск на Украине. Вот так, мой мальчик. Правда, в одном из своих первых боев он погиб и похоронен там же, на Украине, но его мать не знала, где именно, упоминала только название какой-то ближайшей деревни. Конечно, папа ей не ответил, да и что он мог ответить? Когда он немного оправился после того инфаркта, мы с ним так и решили: когда-нибудь я напишу тебе это письмо. Я и написала сразу после папиной смерти, в восемьдесят первом. Только потом несколько раз переписывала. Все казалось, я что-то не так тебе говорю, не теми словами. Надеюсь, этот вариант — последний.

Помнишь, уже в конце восьмидесятых, когда ты стал ездить за границу, ты однажды сказал мне, что на этот раз едешь в Германию. Я подумала тогда: может, рассказать тебе все, дать имя и хотя бы старый адрес этой женщины, вдруг удастся разыскать, если она еще жива, может, ей нужна какая-то помощь. Все думала, думала, но так и не смогла тебе ничего сказать. Без папы я стала ужасно нерешительная, как будто на одной ноге все время хожу.

Прости меня, дорогой мой, совсем без памяти я, чуть не забыла: фотография, которую вкладываю в это письмо — «Папа в детстве», ты ее видел в наших альбомах, — так вот, это не папа в детстве, это Алекс. Сделана она не в начале века в Вильно, а в начале тридцатых в Германии. Папа хранил ее всю жизнь. И тебе, и всей родне мы всегда говорили, что это папа, а кто там разберет, старая и старая себе фотография. Зато Алекс какой-то своей частичкой всегда был с нами. Это единственное, что осталось от твоего брата, не потеряй.

Сыночек! Ты сам теперь прожил большую жизнь, у тебя уже внуки, и ты знаешь, как все в этой жизни не просто. Нам с папой досталось беспокойное, неудобное время, но мы умели надеяться и быть счастливыми. Но как же этот век нас всех разметал, растерзал...

До встречи, я верю. Мама».

Ключи

Во вторник Сашка потерял ключи от дома. Шел домой из школы и потерял. По дороге зашел в магазин, купил мороженое, потом во дворе покачался на качелях. Понятно, везде можно было потерять. В подъезд сунулся — нет ключей. Ни в джинсах, ни в куртке, ни в портфеле.

Никто из друзей не гулял почему-то, и пришлось до возвращения мамы сидеть во дворе на лавочке. Сашка и сидел: болтал ногой, читал на завтра учебник по «Окружающему миру». Попробовал даже делать пись-

менные, но тетрадка все время соскальзывала с колес, буквы получались совсем уже невозможные, Сашка испугался и это дело прекратил. Дал Таксофону облизать бумажку от мороженого — там еще много осталось.

Таксофон — это не прибор, это собака такая, такса, во дворе крутится с утра до вечера. Его хозяйка, старая-старая старушка с первого этажа, все время болеет, вот и выпускает Таксофона гулять одного. Он с утра как выскочит из своего подъезда, так сразу пописает на дерево и начинает лаять, и каждый лай у него почему-то кончается воем, почти волчьим. Мама Сашкина говорит, что это он свою хозяйку гулять зовет. Особенно неприятно утром в воскресенье: как начнет пораньше лаять-выть — будит Сашку, а спать же хочется!

Однажды Сашка с Толиком закинули Таксофона на крышу трансформаторной будки: сначала он хвостом вилял и смотрел на них сверху, а потом так начал выть, что пришлось им быстро в подъезд прятаться и смотреть оттуда в щелочку, как дворник Фархутдин-Федька, пыхтя и ругаясь по-своему, стаскивает воющего Таксофона с будки. Но Таксофон вроде на них тогда не обиделся. Вообще, Таксофон был свой, общий, к нему привыкли, как к голубям и кошкам.

А может, его вовсе и не Таксофоном зовут, есть, наверное, у него какое-то свое имя, только его никто не знает, ведь все равно он на Таксофона откликается. Во дворе ему перепадают с утра конфеты и жвачка, а вечером — сухарики, кальмары и чипсы, закуска к пиву. Хотя пива ему не предлагают, только закуску.

Таксофон языком долго двигает по земле бумажку от мороженого, пока она не становится совсем как новенькая.

— Таксофон, я ключи от дома потерял, — горестно говорит Сашка и гладит собаку по твердой атласной голове. — Ты не видел?

Таксофон прижимает уши и радостно бьет себя хвостом по коротеньким ляжкам.

— Везет тебе, Таксофон, у тебя все хорошо...

Вечером пришла мама. Сильно не ругалась, но сказала, что замки надо сменить, и чем скорее, тем лучше. И с самого утра пришел сосед сверху, Игорь Николаевич, с новыми замками и инструментами, и в школу Сашка пошел только к третьему уроку, с новыми ключами и объяснительной запиской для учительницы в нагрудном кармане. Новые ключи были тяжелее старых, приятно блестели жирным блеском на ладони.

По дороге из школы Сашка снова зашел в магазин, купил чипсов, но ключи теперь все время ощупывал через карман. Во дворе присел на лавочку — посмотреть только, как Игорь с Толиком колотят мяч о трансформаторную будку.

Таксофон издали увидел шуршащий пакетик в Сашкиных руках, извиваясь на коротких ножках, тут же подбежал попрошайничать.

— Таксофон... Таксофончик! — Сашка вдруг выронил из рук пакетик, и чипсы рассыпались по земле. — Ты... нашел?!

На ошейнике у Таксофона болтались Сашкины ключи.

Злоключения русского языка в XX веке

Советизмы, ушедшие советские реалии и френч

Мариэтта Чудакова

1.

Какие именно слова мы называем *советизмами*?

Скажем сначала, что мы не включаем сюда обозначения должностей, предметов и всяких явлений, ушедших в историю — вместе с советской властью. Это скорее уж *историзмы*, или архаизмы: *бригадмилец, будёновка, избач, многотиражка, махорка, оборонец, октябрины, парторг, первичка, передовик, рабфак, самокрутка, стахановец, танцплощадка* (сегодня вместо нее — *дискотека*, и это не просто другое слово, а совсем другое явление...), *толстовка* (вид верхней одежды, тоже исчезнувшей), *промокашка, чернильница, громкоговоритель*... (На центральных площадях в селах и небольших городах были в советское время установлены радиопупоры, из которых с шести утра и до ночи неслась пропаганда достижений советской власти.) У некоторых из этих слов-названий была своя интересная история. (И мы расскажем дальше об одном таком слове — *френч*.)

Не относим мы сюда и *устаревшие слова*: например, *вузовец* — тот, кто учится в вузе, то есть в высшем учебном заведении — сегодняшний *студент; авиатор* — теперь *лётчик, вагонновожатый*. (Помните смерть под трамваем Берлиоза в «Мастере и Маргарите» Булгакова? «...Разглядел несущееся на него с неудержимой силой совершенно белое от ужаса лицо женщины-вагонновожатой...»). Слово исчезло, но по-прежнему есть люди, которые водят трамваи. *Промтовары* — то же самое: слово исчезло, но сами-то *промышленные товары* никуда не делись, наоборот — с концом советской власти сильно расширились в ассортименте.

Наконец, мы не относим к разряду *советизмов* — то есть слов публичной, официальной сферы, производившихся на собраниях или включавшихся в газетные *передовицы* (это слово устарело вместе с самим явлением — передовыми статьями в газетах, которые печатались без подписей и имели значение директив, указаний высшей власти), — слова, употреблявшиеся только внутри партийных кабинетов, в разговорах аппаратчиков между собой: *вызвать на ковёр, невыезной, спецпереселенцы*.

Об этом последнем слове писала в 1966 году в докладной записке своему начальству ленинградский старший цензор А. Березина, отчитываясь о работе, проделанной над материалами журнала «Звезда»: «...были изъятые следующие сведения, которые не подлежат открытому опубликованию», среди них — «сведения о спецпереселенцах и сам термин *спецпереселенцы*». То есть сослать людей было можно, а говорить и писать об этом — нельзя.

А вот еще словечко — *коллективка*. Любых открытых писем со многими подписями советская власть боялась как огня: как же, это уже *организованное* сопротивление ее действиям! В мемуарах известного диссидента, одного из организаторов «Мемориала» Юрия Орлова приводится такой диалог: «— Нам сказали, что вы подписали какую-то *коллективку*. Сами знаете, что это значит.

— Я не знаю, что это значит, — заметил я.

Под «*коллективкой*» они имели в виду, конечно, декларацию об образовании группы «Международной амнистии».

Упомянем еще и слова маргинально-интеллигентского употребления — то есть только внутри своего интеллигентского круга, резко отделившего себя от официоза: *стукач* — то есть тайный доносчик, осведомитель, *психушка* — психиатрическая больница, куда диссидентов помещали насильно не для того, чтоб лечить, а чтобы изолировать от общества и подавить их волю...

2.

А *советизмами* мы называем такие слова и синтагмы (сочетания слов), на которых лежит печать именно советской идеологии, советской пропаганды, которые совсем или почти совсем перестали употребляться после конца советской власти в августе 1991 года. А если и употребляют — то сразу от них веет *партийным руководством: величайшие планы, невиданный, в неоплатном долгу, в ногу с жизнью, во всей сложности и противоречивости, во всеоружии, военищина, в окружении врагов, воля народа, воодушевленные, воспевают, ворошить* (не надо *ворошить про-*

шлое!), *враг народа, враспашку, враждебный, вредитель* (про человека), *вырвать с корнем*...

И тысячи других слов и выражений.

Причем другого способа определения советизмов, кроме как *на слух*, мы не видим. Когда возникают сомнения (советизм ли это?), приходится задавать этот вопрос разным людям, не равнодушным к смене эпох. Можно сказать вполне определенно: когда в России не останется людей, часть сознательной жизни которых прошла при советской власти, возможность такого определения исчезнет. Многие советизмы вернутся в состав языка, утратив печать *советскости*.

И услышав песенку, который открывался показ очередной телесери «Следствие ведут знатоки» («Если кое-кто у нас порой честно жить не хочет...»), слушающие уже не поймут, что «кое-кто» и «порой» — бывшие типичные советизмы...

Не знаю, правда, что будет с такими словами, от употребления которых сегодня носители русского языка отказались по причине их слишком очевидной «советскости»: *беззаветно, безыдейный, белогвардейщина, бескрылый, боевитость, бытовизм, вожак* (в позитивном значении), *вредитель, вылазка, несознательный, пламенный* (в позитивном значении — об этом слове мы рассказывали в прошлый раз) и т. п.

В этих словах еще не выветрился особый их дух, они воспринимаются как орудие — орудие насилия, давления на сознание.

3.

Важный признак *советизмов* — их повторяемость. Одни и те же слова на протяжении *десятков лет* многократно повторялись не только в разных партийных документах, но даже на протяжении одного и того же документа.

Как известно всем пишущим людям, повторение одного и того же слова на протяжении небольшого отрезка текста считается недостатком, стилистовой погрешностью и опытный редактор непременно обратит на это ваше внимание.

В советских официальных текстах это недостатком не считалось.

Само слово *недостатки* (как и *трудности* — этими словами заменялись более подходящие, но «неудобные» слова — *провал* и т. п.) повторялось сколько угодно раз.

«Необходимо до конца преодолеть *отрыв* пропаганды и агитации от *практики*. Надо понять, что теория и ее пропаганда нужны не сами по себе, а ради практического осуществления великих идей марксизма, ради увеличения производства материальных и культурных благ для улучшения жизни трудящихся.<...> ЦК КПСС обращает внимание партийных организаций на серьезную *запущенность* во многих республиках агитационно-массовой и культурно-просветительной работы. У нас еще много *трудностей* и крупных *недостатков* в хозяйственном и культурном строительстве, в удовлетворении материальных и культурных *запросов трудящихся*, партия этого никогда не скрывала и не скрывает от народа, она *ведет решительную борьбу* за преодоление *трудностей* и *недостатков*. И неправильно, когда некоторые пропагандисты и агитаторы пытаются *приукрашивать* действительность, обходить острые вопросы, не *мобилизуют массы на борьбу* с имеющимися *недостатками*». (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда». 16 июля 1956. Строго секретно.)

И даже Михаил Сергеевич Горбачев, в тот момент, когда его должны были выбрать на пост Генерального секретаря компартии, ясно сознавая, в какой провальной ситуации находится страна, все равно привычно использует именно этот успокоительный *советизм*:

«Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам нужно набирать темпы, двигаться вперед, *выявлять недостатки*, преодолевать их, ясно видеть наше *светлое будущее*». (Выступление М. С. Горбачева на заседании Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года.) И *светлое будущее* — тоже, конечно, типичный советизм.

Материальные и духовные запросы трудящихся, запросы жизни ... 18 августа 1946 года газета «Известия» (после «Правды», органа ЦК КПСС, вторая по безусловной значимости каждого напечатанного в ней слова) уведомляла читателей, что знаменитый музыкант Эдди Рознер со своим джазом не понял «*запросов советского зрителя*»... Как раз в это время Эдди Рознер арестован и за попытку уехать на свою родину, в Польшу, осужден по абсурдным советским законам за *измену родине*. После чего отправлен в лагерь в Магадан. Вот что означало в советское время не понять *запросов*...

4.

К советизмам мы вернемся еще не раз. А сейчас — о том, как слово *френч* долгое время играло роль опознавательного знака. Во *френче* — значит, красный командир или советский чиновник.

А появилось это слово во время первой мировой войны — от фамилии командующего английскими войсками фельдмаршала Дж. Френча.

В отличие от кителя, у френча — отложной воротник. Его начали носить в России еще в 1916 году — например, во *френче* и в «офицерской фуражке с потемневшей кокардой» (то есть отнюдь не *красный*) появляется в «Белой гвардии» в доме Турбиных с боевых позиций Мышлаевский. В том же романе «с кресла поднялся худенький и желтоватый молодой человек в сереньком френче» — заболевший сифилисом поэт Русаков, пришедший на прием к Алексею Турбину. Шервинский в финале романа, во сне Елены — «в рыжем френче».

Но в это же самое время *френч* активно переходит к *красным*.

«...Мчится в эти клубы и театры (глядеть на своих крепостных актеров) всякая красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи *во френчах*, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах...» (И. Бунин. Окаянные дни.)

«Росту он среднего, одет по-комиссарски, *френч* и синие брюки...» (Дневниковая запись Д. Фурманова от 9 марта 1919 года); «Одет в защитного цвета *френч*...» (Д. Фурманов. Чапаев.)

К. Федин описывает в письме Горькому от 14 марта 1920 года первомайскую манифестацию в «поволжском городишке» в 1918 или 1919 году: «Женщины с подколотыми юбками, здоровые парни в кепках набекрень, в галифе и *френчах*».

«Какой-то тип *во френче* <...> установил возницу.

— Подъезжайте к угловой избе. Оказывается, чрезвычайка.

— Вы, товарищ, не волнуйтесь, — обратился ко мне парень *во френче*. <...> Парни *во френчах* еще пошептались». (Р. Донской. От Москвы до Берлина в 1920 году.)

«...Но люди в Кремле никогда не спят. Письмо в грязи и крови запеклось, И человек разорвал его вкось.

Прочел — о френч руки обтер, Скомкал и бросил за ковер: — Оно опоздало на полчаса, Не нужно — я все уже знаю сам».

(Н. Тихонов. Баллада о синем пакете. 1922.)

«И напрасно Чичиков валялся у меня в ногах и рвал на себе волосы и *френч*...» (М. Булгаков. Похождения Чичикова. 1922.)

«И чувствовало мое сердце: сидит за моим столом какой-то новый *во френче*, с пробором». (М. Булгаков. Чаша жизни. 1922.)

Он ближе. Лицо молодое безусо. Совсем не Исус. Нежней. Юней. Он ближе стал. Он стал комсомольцем. Без шапки и шубы. Обмотки и френч. То сложит руки, будто молится. То машет, будто на митинге речь.

(В. Маяковский. Про это. 1923.)

«Слово «товарищ» было <...> стилем советской жизни — покроем *служебного френча* <...>. Первым шагом, от которого зависело все, была правильность социологического диагноза, прозрение заговорщической жилетки под коммунистическим *френчем*». (Ф. Степун. Мысли о России. 1924.)

«Большой театр был битком набит *нашей* публикой <...>. Скромные *френчи*, кофточки и иногда что-то уже очень невыразимые куртки — вроде той, в какой снят сам юбиляр (Мейерхольд. — М. Ч.). (В. Блюм. Из несведенных счетов. «Леп», 1923, № 2.)

«Все по-прежнему, как было пятьсот лет назад. За исключением, пожалуй, костюмов. Пиджачки сомнительные, *френчи* вытертые <...>»; «Фрачник, омываемый пиджачным и *френчным* потоком <...>»; «Что должен означать этот фрак? Музейная ли это редкость в Москве среди *френчей* 1923 года или фрачник представляет собой некий живой сигнал...» (М. Булгаков. Столица в блокноте, 9 февраля

Униформа советской элиты. 1927 год

1923 г.) «После третьего звонка и стука кулаками в цветные волнистые стекла парадной двери хозяин, *накинув вместо пиджака измызганный френч*, впустил трех». (М. Булгаков. Московские сцены, 1923). «...*Френч* — старомодный костюм, оставленный окончательно в конце 1924 года...». (М. Булгаков. Роковые яйца. 1924.)

Поэт Михаил Голодный «ходил в *полувоенном френче*, напоминающем тем, кто мог не знать или позабыть об этом, о его причастности к несомненно главным событиям и делам. Стихи его тоже были главными, нужными». (И. Крамов. Платонов.)

У Александра Прокофьева — точное описание происхождения слова: «...В семнадцатом (глохни, романтика мира!) мы бились, как черти, в лоск. ...И вся страна была в огне — и мы по всем фронтам. Шпиг и *солдатский английский френч* мы добывали там...» («Мы».)

Как и много лет спустя — у Валентина Катаева, когда его герой вспоминает первые революционные годы: «Они смотрели друг на друга, вспоминая себя такими, какими были в те времена. Он довольно смутно представил себе ее в своем кабинете совсем молодой, в *трофейном английском френче*, со стриженной, как у мальчишки, головой...» («Трава забвенья».)

«...Он уберет свой докторский сюртук, какое-то упрямое превосходство этого сюртука над *френчем с красным крестиком* казалось несомненным: доктор был настоящим». (К. Федин. Братья. 1926–1928).

«...Мужичок гордился, что справил *френч* и галифе». (Вс. Иванов. Бог Матвей. 1927.)

...И торчат
в кармане френча
тридцать три карандаша.
(В. Маяковский. Нагрузка по макушку. 1928.)

Отыскали тебя в гроте
На последнем повороте,
Френч разодран, грудь в крови
От невинной, знать, любви!
(Н. Клюев. Каин.)

...Заседает день и ночь
Ревтрибунал.
Стол накрыт сукном судейским,
Над сукном
Сам Горба сидит во френче
За столом ...
(М. Голодный. Судья Горба. 1933.)

«...Орден на *френче* Лисицына развязывает Филатову язык». (Н. Островский. Как закалялась сталь.)

«Человек в сером *френче* открыл газету...»; «Человек во *френче* отложил

газету и быстро вышел»; «...Ты не встречала здесь таких двоих?.. Один высокий, в сапогах и в сером *френче*, а с ним маленький, белокурый, темноглазый мальчуган. — В сером *френче*... — повторила Нина. — Нет, Натка, в сером *френче* с мальчуганом не встречала.<...> — Видела я человека во *френче*, — не сразу вспомнила Нина. — Только тот был без мальчугана...»; «И в каком виде — сапоги, френч... нагайка! Что ты, прямо из разведки в штаб полка?»; «Сергей наскоро выкупался, вымыл грязные сапоги, одернул помятый *френч* и пошел к лагерю». (А. Гайдар. Военная тайна.)

«Никогда уже не узнать ничего подлинного о портрете в застегнутом под горло *френче* с орденом Ленина...» (Розы для Николая Островского. П. Вайль. Карта Родины. 2003.)

О 1927-м годе: «Руководители страны носили *френчи*. Фраки носили их политические враги». (Игорь Смирнов-Охтин. Невский, 3, или На всяком всё о вся. 2003.)

И завершается история слова *сталинским* полувоенным френчем, который получил название *сталинки*. Его стали носить секретари райкомов, председатели колхозов и все остальные, кто хотели подражать этому человеку...

Кино

Сны наяву

Сейчас ему 68. Михаэль Ханеке красив и элегантен. Он внимательно смотрит на нас. Чего он от нас хочет? Ответы надо искать в его фильмах, причем искать скорее, пока с нами не случилось чего-нибудь непоправимого.

Что мы знаем о Михаэле Ханеке? Он занимался в университете философией, психологией и театром, вышел почему-то с дипломом кинокритика. Эмигрировал из Австрии по политическим соображениям. Недавно он отказался возглавлять жюри нашего московского международного кинофестиваля...

Что еще... Наверное, в детстве он специально фальшивил в церковном хоре.

Потом случайно выкинул телевизор из окна своей квартиры и никогда никого не убивал.

Или не так. Может, когда Ханеке случайно выкинул телевизор из окна своей квартиры, тот упал на голову прохожему, который каждый день отправлялся в супермаркет и шел обратно домой по одному и тому же маршруту мимо окон Ханеке. Но этот человек не умер. Его отвезли в реанимацию. И ему начали сниться сны — фильмы Михаэля Ханеке.

Что ему снилось... Смерть, насилие, убийство или самоубийство — и всё так мучительно, подробно: кто, как и почему это делает.

«Белая лента» Михаэля Ханеке

Он увидел:

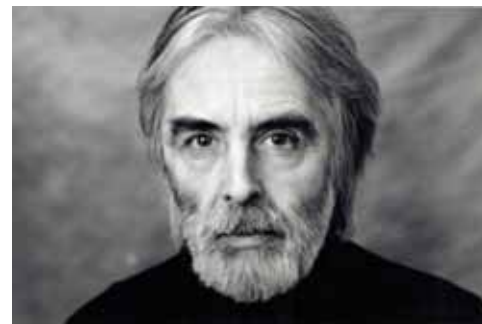
«Видео Бенни» — школьник пересматривает несколько раз снятое им же самим на видеокамеру убийство свиньи на ферме. А потом убивает девочку, которой показывал это видео.

«Забавные игры» — двое молодых людей убивают на глазах родителей их сына, потом мужа на глазах жены, а потом и жену скидывают в озеро с парусника, на котором семья собиралась кататься в этот уикенд по озеру.

«Время волков» — семья приезжает в загородный дом. Там их встречает другая семья, глава которой направляет на них ружье и — конечно, нетрудно догадаться — стреляет.

«Скрытое» — герой перерезает себе горло на глазах у того, кто предал его еще в детстве и стал косвенным виновником многих его несчастий.

«Седьмой континент» — вся семья принимает решение уйти из жизни.

Ханеке не собирался никого убивать — по крайней мере, так он говорил полицейскому на допросе о деле с прохожим. Смерть его не интересует, ему важно показать драматизм жизни, который приводит к таким печальным последствиям.

Михаэля отпустили, и он уехал в Канны. Потом вернулся и зашел в больницу навестить прохожего и подарить ему пальмовую веточку. В этот момент медсестра накладывала на голову пациента белую марлевую повязку; она сказала, что больной стал спокойно спать, — наверное, ему снится новый сон, и, возможно, он скоро пойдет на поправку.

А сон начинался с черного кадра и голоса старика, который рассказывал историю: «...Все же, думаю, что должен рассказать о тех странных событиях, произошедших в нашей деревне. Возможно, они могли бы прояснить некоторые вещи, которые происходили во всей стране».

Действие фильма «Белая лента» Михаэля Ханеке происходит в немецкой деревне в 1913 году, накануне мировой войны. Акцент на детях, в поколении которых зреют семена фашизма.

Рассказчик — местный учитель. В деревне несколько семей: барона, пастора, доктора, управляющего, фермера. Есть отцы и дети. Есть конфликт между отцами и детьми, который решается тем, что отцы подавляют детей, — неважно как: религиозно, сексуально, физически, полюбому, но подавляют. Это приводит к тому, что дети вымещают свою злобу — тайно на более сильных или явно на беззащитных. Пастор повязывает белую ленту на своих детей, чтобы напоминать им об их невинности, но он не стремится их понять, услышать, стать равным и говорить на одном языке — иначе никакая белая лента не поможет.

Доктор оказался со сломанной ключицей в больнице, сына барона беспощадно выпорол, слабоумного ребенка акушерки почти ослепили, любимую птичку пастор нашел у себя на столе с воткнутыми в головку ножницами — вот итог противостояния маленьких людей миру взрослых.

Об этих вещах, которые «происходили во всей стране», и идет в фильме речь.

В фильме Ханеке все немецкое. Он восстанавливает старину, уклад жизни начала прошлого века. Взаимоотношения баронов и крестьян, мужчин и женщин, взрослых и детей, становление характера немецкого человека. Ханеке возвращается почти на сто лет назад, но разве так сильно с тех пор все поменялось? Просто сто лет назад жесткость в системе образования вылилась в откровенный фашизм и ужасы войны. Первой, а затем и второй мировой.

Чтобы этого не случилось снова, Михаэль Ханеке снимает фильм и просит зрителя думать. У больного есть шанс выздороветь: надо досмотреть сон и что-то сделать в своей жизни. В любой ситуации есть выход. А выход такой — быть человеком.

Кто в его фильме хороший? Это редкость, но все же помимо патологических личностей есть люди.

Младший сын пастора открыт, наивен, трогателен. Он отдает свою птичку отцу, чтобы отец не грустил о другой, убитой. Этот малыш преданно любит отца просто потому, что пока еще не успел испытать от него ни боли, ни унижения.

Сын доктора пока еще тоже доверяет своему отцу. Он даже и предположить не может, что отец насилует его любимую сестру, которая пытается оградить своего брата от этого знания.

Если бы эти дети росли в любви и ласке...

Есть и среди взрослых люди. Но у них уже исковеркана жизнь, они поглощены системой, поэтому никогда не будут счастливы.

Сон кончался, рассказчик заканчивал повествование: «...Больше я никогда не видел жителей этой деревни», в церкви запевал детский хор, в котором никто не фальшивил, и на фоне этого пения шли финальные титры фильма. Пациент просыпался, свет больно ударял ему в глаза, но без этого нельзя было увидеть мир таким, какой он есть.

Смотреть фильмы Ханеке — серьезная работа, потому что режиссер всякий раз затевает серьезный разговор о человеке.

Позвоните друзьям, поболтайте с ребенком. Не просто слушайте, а услышьте другого.

Сны пусть достаются темному времени суток, а вы живите, пока телевизор не упал вам на голову.

Тася Круговых

Багира

Анна Зенькевич

Истории этой почти два десятка лет.

Багира — винтовая, это знала вся Система. В моем доме она появилась неожиданно-негаданно, так, как всегда появляются люди из этого племени, — совершенно некстати, но в полной уверенности, что ее визит сочтут за счастье. Как описать ее? Она вылитая Анна Франк, какой та смотрит с обложки «Дневника»: глазастая, угловатая, долговязая и худющая до прозрачности, с без-

защитно-дурашливой детской улыбкой. На комариных ножках драные джинсы, руки чуть не до локтя торчат из куртки, которая ей мала размера на три. И нелепая шляпа, как будто выуженная из рассказов О`Генри (самая любимая вещь!). Восемнадцать лет.

— Здравствуйте. Я Лена. Багира.

Обживаются эти дети мгновенно. Первое дело — устроиться: угнездить холщовый мешок, обеспечить себе, на чем спать и чем укрыться (постельное белье — лишняя морока), если можно — помыться. Второе — поесть. Аппетит ненасытимый, но прихотливости никакой. Дашь корку хлеба и жидкий чай — спасибо. Дашь котлет, борща и торта — тоже спасибо. Ничего не дашь, с тобой поделятся ништяками — раздобытыми где придется объедками. Главное — всё по-братски. Страннический дух врывается в ваш обывательский дом и продувает его неуютным сквозняком.

Умытая («А чистых трусиков у вас не найдется?»), сытая Багира расправилась. Начался следующий этап — знакомство. Я уже знаю: сейчас услышу целую серию легенд, но по опыту с большей или меньшей уверенностью могу отделять реальность от вымысла. Багира родом из Одессы. Отец — капитан дальнего плавания. Мать растит внука, то есть сына Багиры. Ему уже три года. Талант, явный талант в каждом слове этого изломанного ребенка. К ночи доходим до стихов (нормальная часть моего семейства вздыхает и презирает нашу кухонную беседу «душа-нараспашку»). И тут... Багира — чудная личность даже для Системы, ее многие недолюбливали, многие говорили мне, что стихи — не ее или не все ее. Не знаю. Она читала их так, как не читают чужое. У меня побежали по спине мурашки, когда я услышала:

«Из дома в сад, из всадников в изгои...»

За одну такую строчку — что там белье, еда и покой... Если же это была цитата, то Багира пусть не поэт, но актриса не меньшего дарования. Выяснить точнее я никогда не пробовала — да просто не хотела знать, а вот сейчас набрала эту строчку в интернете, зажмурилась и... И ничего! Нет таких стихов во всей мировой паутине. Значит, автор она, Багира!

Смутно помню еще одно стихотворение, очень длинное, с названием и рефреном: «Я — моя!».

Короче говоря, я полюбила Багиру... Но вскоре почувствовала неловкость, которая возникает, когда покормишь, приласкаешь по сентиментальности бродячую псину, а она решит, что это навсегда, и идет, идет за тобой, преданно глядя в глаза. Нехорошо, конечно, сравнивать человека с собакой, но точнее этого чувства не обозначишь. Опыта общения с наркоманами у меня не было — Бог миловал. Поэтому я долго не могла понять, почему это периоды полуспячки вдруг сменялись взлетами духа, после того как девочка ненадолго скрывалась в туалете. Пожив у нас недельку и выслушав доводы, которые мне стоили бессонной ночи, ею же были восприняты как должное, Багира перебралась на другую вписку. А через два дня — звонок. Из милиции. «Вы знаете Елену Такую-то?» Я не сразу поняла, что это она, по фамилии Багира никогда не представлялась. Но в трубке раздался пронзительный вопль: «Знает, знает, это моя тетя!» Узнав голос, я послушно и ошарашенно пробормотала: «Да, знаю, я ее тетя». — «Ну, так забирайте свою племянницу», — с издевкой, но и явным облегчением сказали в трубке. На окраине города в отделении мне ее выдали, синюю, страшную, с исколотыми, нет... продырявленными и в нарывах руками, с безумными глазами, возбужденно рассказывающую какую-то дикую историю о похищении, ограблении, изнасиловании... До сих пор не знаю, какова была доля истины в этом бреде, если вообще была... Я привезла ее домой, а наутро она угостилась ртутью из трех градусников, решив умереть. Но в тот раз еще не умерла. Опять ушла. И снова появилась спустя недолгое время, в ломке, невменяемая, умоляющая помочь. Как доставить ее в больницу? Она сбежит по дороге, прав уложить ее у меня никаких нет, а дело не терпит отлагательства. Звоню в «Скорую помощь». «А вы ей кто?» — «Тетя». — «Не пойдет. Если бы добровольно... Или если бы хотя бы мать... Ах, она даже не москвичка! Ну, знаете ли! Только через милицию». Звоню в милицию. «А что, она дебоширит? Нет? Так какие проблемы? Всех не навозишься. Вызывайте скорую...» Тогда я потащила Багиру в ближайшее отделение и «сдала», чтобы ее все-таки увезли в больницу. Ждали мы с ней несколько часов — она уже ничего не соображала, только лежала, скорчившись на полу. «Когда же приедет перевозка?» — напала я на непробиваемых дежурных. «Подождет — не принципа», — ответствовали мне. Наконец приехали. Забрали. Доставили в 17-ю наркологическую. Оказалось, там Лену уже знают, она там лежала. Дежурная сестра встретила ее неласково: «Чего явилась? Все равно опять сбежишь!» И мне: «Без толку это, она конченная». Врач оказался тоже знакомый. Багира обещала не убегать, ее взяли, а вечером я дозвонила ее матери в Одессу, та была счастлива — в прошлый раз помогло, только бы Леночка вылежала курс. Приехать она не могла — не на кого оставить внука.

Через неделю Багира сбежала. Я отправила ее поездом в Одессу, заплатив проводнику за присмотр. Через месяц она была в Москве.

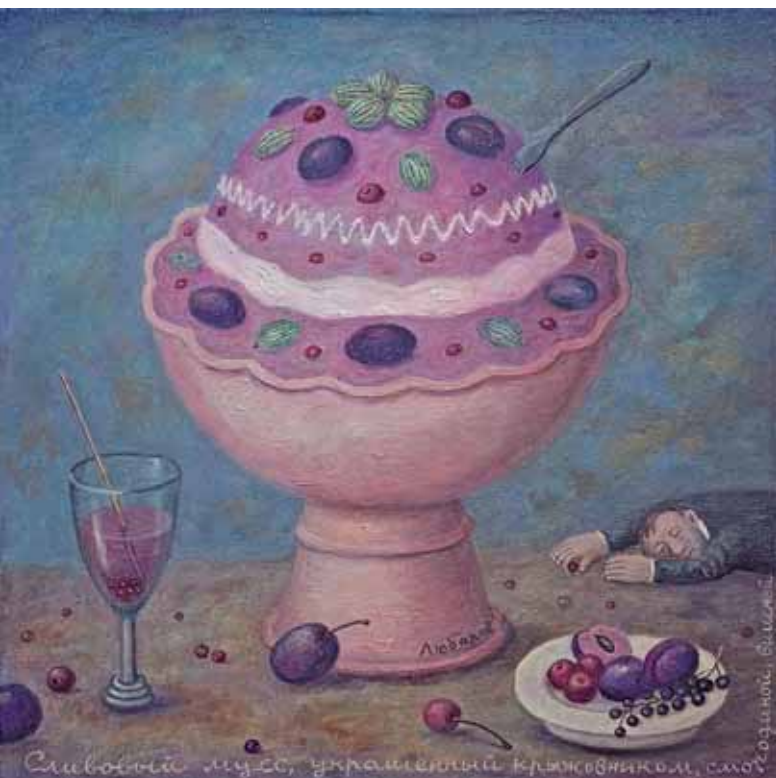
Тем временем в моей собственной жизни все полетело кувырком, и долгое время я жила на съемных квартирах, отъезжая все дальше от центра, по мере того как росли цены и тощал мой кошелек. Багира находила меня всюду. Понимала, что надолго оставаться нельзя, поэтому к ночи уходила. Как-то раз утром я нашла ее спящую, сжавшись в комочек, на лестнице — она ночевала там, хотя клятвенно заверила меня накануне, что ей есть куда пойти — еще бы, ее ждут! Каждый раз она читала стихи, которые становились все менее вразумительными, клялась, что с наркотиками завязала, рассказывала про себя чудеса, не желала ехать домой, то дарила мне колечко с эмалью, а то прихватывала что-нибудь из моих вещей и исчезала.

Помочь ей я ничем не могла. Через некоторое время у меня снова появилась своя квартира. Багиру я не видела, только слышала иногда новости о ней: она в Москве, сюда переехала ее мать с ребенком, купила тут жилье, Лена лечилась, без труда поступила в РГГУ (одно это чего-нибудь

да стоит!), но сорвалась, ее видели с флейтой в переходе, в руках милицейского патруля, она появляется в большой хипповской тусовке «на бисах». Она спрашивала обо мне общих знакомых. А я малодушно не передавала ей свой телефон. Моя жизнь худо-бедно наладилась, мне так не хотелось сквозняков...

А потом я узнала, что для нее есть шанс, очень небольшой, но все же... Увидела «анонимных наркоманов» ее возраста. Пусть далеко не все они выздоравливали, но все находили место, куда можно прийти, где их выслушают, не сморщатся гадливо, не пристыдят... Я стала искать Багиру. Но лениво, неактивно. Как-то раз купила ту самую книжку — «Дневник Анны Франк». Посмотрела на портрет — и у меня защемило сердце. Улыбка Багиры, ее вопрошающие глаза. Я рванулась к телефону, принялась обзванивать всех, кто мог что-то о ней знать. Народ обещал поспрашивать.

На другой день мне сказали, что Багира вот только что, вчера вечером, выпрыгнула или выпала — никто не знает и не узнает этого — из окна. Под кайфом или в ломке. Ее уже отовсюду гнали, она всем надоела. Банальная история. Кошмар моей совести.

Владимир Любаров. Из серии «Едоки», представленной на выставке художника в галерее Нащокина

Десерт для летнего завтрака

250 г желтой дыни, 2 инжирных персика, 300 г голубики, ванильное мороженое, абрикосовый ликер.

В этом ароматном, богатом различными вкусами десерте для летнего завтрака необычно сочетаются свежие летние ягоды и фрукты.

Дыню нарезать кубиками, персик — дольками. Перемешать, добавить голубику. Смешать с ликером и украсить ванильным мороженым.

Кухня

Такое щедрое лето И всё свежее!

Суп-юре из фасоли с сельдереем

400 г сухой фасоли, 2 стебля лука-порей, 1 небольшая морковь, 1 корень сельдерея, четверть стакана сливок, 1 яичный желток, 2 столовые ложки сливочного масла, соль и мясной бульон.

Промытую фасоль, лук-порей, морковь и сельдерей залить литром воды, посолить и варить до готовности. Затем взбить погружным блендером вместе с отваром. Получившееся пюре развести бульоном. Подогреть сливки, взбить их с желтком и добавить в суп вместе со сливочным маслом.

Чтобы сократить время готовки, фасоль можно замочить на ночь. Или же вместо сухой фасоли взять стручковую.

Суп-юре из свежих фруктов

Абрикосы и персики, 2 чайные ложки сахара, 1 чайная ложка сметаны, 2 чайные ложки крахмала.

Вымыть фрукты, разрезать пополам, удалить косточки. Залить горячей водой, варить под крышкой, пока не приобретут желаемую мягкость. (Или же можно поместить их ненадолго в пароварку.) С помощью погружного блендера приготовить пюре, добавить сахар. Если пюре окажется слишком густым, добавить воды, дать закипеть. Если же, напротив, пюре окажется недостаточно густым, добавить в него разведенный в холодной воде крахмал, довести до кипения. Подавать на стол со сметаной.

Вишневый суп с мороженым

250 г вишни без косточек, 500 г вишневого сока, 150 г сахара, 1 столовая ложка крахмала, половина чайной ложки корицы, 100 мл сухого красного вина, 200 г ванильного мороженого.

Налить вино в кастрюлю и кипятить 3 минуты, добавить 400 мл сока и сахар, довести всё до кипения. Вложить вишню и варить на слабом огне 7 минут. В оставшихся 100 мл сока развести крахмал и молотую корицу. Полученную смесь тонкой струйкой вливать в кипящий суп, все время помешивая. Снять суп с огня, остудить, разлить по тарелкам, добавить в каждую порцию мороженого.

Острые баклажанные рулетики

1 баклажан (длинный), 200 г шампиньонов, 3 столовые ложки сметаны, 2 зубчика чеснока, небольшой пучок укропа, жареные подсолнечные семечки (очищенные), соль, перец, приправы по вкусу.

Разрезать баклажан вдоль на тонкие полоски. Посолить, посыпать травяной приправой. Разогреть духовку до 200 градусов. Уложить полоски баклажанов на решетку и запекать 7 минут, перевернуть на другую сторону еще на 7 минут.

Грибы очистить, натереть их на самой мелкой терке, бросить на сухую сковородку. Пока они отдают воду, посолить, выдавить чеснок, приправить смесями травок и мелко нарезанным укропом. Когда вода испарится (примерно через 5 минут), добавить в сковороду сметану и горсть семечек. Дать потушиться 5 минут на маленьком огне. Тонким слоем намазать начинку на баклажанные полоски, скатать рулетики и выложить на тарелки, посыпать укропом. Блюдо отлично сочетается с картофельным пюре и салатом из помидоров.

Баклажаны в духовке

450 г свежих помидоров, 400 г баклажанов, 100 г сладкого болгарского перца, 100 г репчатого лука, 400 г яблок, 100 г зелени, 300 г растительного масла, специи, соль по вкусу.

Баклажаны и сладкий перец нарезать кубиками, обжарить на растительном масле. Пассеровать репчатый лук, нарезанный соломкой. Все перемешать, уложить в сотейник, сверху — нарезанные дольками яблоки и свежие помидоры, нарубленную зелень, заправить солью и специями по вкусу. Закрыть крышкой и поставить в горячую духовку на 30–40 минут.

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в июне 2010 года:

- новые выпуски развивающих стенгазет для дошкольников и школьников;
- июньские фотоконкурсы детского обаяния;
- познавательная викторина «Из жизни пчел»;
- новые сценарии детского дня рождения;
- бесплатные консультации психолога и логопеда-дефектолога и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

Гювеч из перца, яйца и брынзы

200 г стручкового перца, 10 г растительного масла, 1 яйцо, 50 г брынзы, 100 мл молока, черный молотый перец, 5 г зелени петрушки, соль.

Стручковый перец обмыть, нарезать небольшими кусочками и жарить до мягкости, предварительно посолив. Взбить яйцо, добавить измельченную брынзу, молоко, перец, петрушку, соль. Все это соединить с перцем и перемешать. Выложить массу в кастрюлю или на сковороду, смазанную маслом, и запечь в жарочном шкафу до образования румяной корочки.

Таратор (болгарский летний суп)

2 л кефира, укроп, 4 небольших огурца, 4 грецких ореха, 3 ложки растительного масла, 5 г красного сладкого перца, 5 кусочков чеснока, соль.

Вылить кефир в кастрюлю, разбавить водой. Натереть огурцы на крупной терке и вложить в кефир. Посолить. Добавить грецкие орехи и чеснок. Пережарить немного растительного масла вместе с красным перцем и вылить все это в кастрюлю. Размешать и добавить укропа.

Французский тост со свежей клубникой

Взбить 4 яйца со 190 мл молока. Замочить 4 кусочка белого хлеба в яйце. Посыпать с одной стороны сахарной пудрой и обжарить на сковороде в сливочном масле сахарной стороной вниз. Посыпать верхнюю сторону сахарной пудрой и перевернуть. Сверху посыпать порезанной клубникой и сразу же подавать.

Летний торт

300 г бисквита, 500 г сметаны, 1 стакан сахара, 3 столовые ложки желатина, клубника, киви.

Желатин залить половиной стакана холодной воды на 30 минут. Тем временем взбить сметану с сахаром. По прошествии 30 минут желатин поставить на огонь и подогреть до полного растворения (не доводить до кипения!). В желатин тоненькой струйкой ввести сметану, все время помешивая.

Застелить глубокую посуду пищевой пленкой, на дно выложить разрезанные на половинки ягоды клубники и киви, затем слой поломанного на кусочки бисквита, опять слой ягод и слой бисквита.

Залить всё смесью сметаны и желатина и убрать в холодильник на два часа. После этого достать торт из холодильника и, перевернув, осторожно выложить на блюдо.

Летняя кабачковая икра

2 кабачка примерно по 1 кг, 5 помидоров, 5 луковиц, 6 морковей (все средних размеров), немного растительного масла, соль, 6 горошин черного перца, 3 горошины душистого перца, 1 лавровый лист.

Кабачки и помидоры мелко порезать (можно пропустить через мясорубку). В больших сковородах (одну можно заменить эмалированной кастрюлей) тушить, пока жидкость не выпарится почти вся. Добавить слегка обжаренные на растительном масле лук и морковь и тушить еще полчаса. В конце положить душистый и черный перец. Лавровый лист подержать 2 минуты в конце и сразу вынуть. Можно добавить немного свежей зелени. Кто-то любит икру кусочками, но при желании ее можно пюрировать.

Рыбы и водолазы

Лето — это маленькая жизнь... Грех было бы не воспользоваться погожими летними деньками для того, чтобы устроить с маленькими детьми веселые игры в воде. На неглубоком месте!

Водолазы

На дно опускают несколько предметов, которые можно разглядеть под водой. Играющие по очереди по разу ныряют, доставая эти предметы. Выигрывает тот, кто достанет больше.

Карлики и великаны

Дети стоят по пояс в воде. Ведущий дает сигнал, выкрикивая: «Карлики!». Все садятся в воду. По сигналу «Великаны!» все подпрыгивают вверх. Сигналы подаются вразнобой. Тот, кто ошибется, выбывает из игры. Побеждает тот, кто в конце концов остался.

За мячом в воду

Играющие разбиваются на две команды и располагаются на берегу лицом к воде. У первых номеров в руках ре-

зиновые мячи среднего размера. По сигналу они бросают эти мячи в воду, а затем плывут за ними. Но все дело в том, что плыть надо не за своим мячом, а за тем, который бросил соперник. Забрав мяч, пловец возвращается и передает его второму номеру своей команды. Эстафета продолжается. Из сказанного ясно, что для победы важно не только хорошо плавать, но и далеко бросать мяч.

Качели

Играющие (они должны быть примерно одного роста), стоят в воде лицом друг к другу, держась за руки. Первый, сделав вдох, опускается под воду с открытыми глазами. В момент погружения он обхватывает руками колени второго и тянет его под воду, а сам поднимается над поверхностью воды и делает вдох. В свою очередь, пловец, которого погрузили в воду, тянет своего партнера за ноги вниз, а сам выныривает. Такое попеременное погружение, напоминающее качели, играющие проделывают несколько раз.

Водные пятнашки

Игроки стоят в кругу на расстоянии вытянутых рук от водящего, который располагается в центре. Водящий по условленному сигналу стремится запятнать тех, кто не успел нырнуть. Только что вынырнувшего запятнать нельзя.

Собачки

Играют на достаточно обширной отмели. Минимальное число играющих — четыре. Как и в обычных сачках, тот, кому выпало водить, пытается осалить кого-то из остальных игроков. А те могут убегать, нырять, плыть, но перемещаться на место, где глубина больше, чем по шею играющим, им нельзя. Нарушивший этот запрет считается осаленным и становится водящим.

Рыба в сети

Играющие — это стая рыб. Зайдя по пояс в воду, они расходятся-расплываются в разные стороны, но недалеко. А двое выбранных играющих изображают рыбаков. Держась за руки, они начинают ловить рыбу, то есть пытаются поймать ускользающих от них играющих. Пойманный игрок присоединяется к рыбакам — сеть теперь шире, спастись рыбам становится труднее. Заканчивается игра тогда, когда останется не пойманным кто-то один. Он — победитель.

Попади в круг

На воде — надувной круг. Играющие, стоя на берегу, по очереди бросают маленькие мячики, стараясь попасть в круг. У каждого две-три попытки. Кому это удастся сделать чаще других?

Кто быстрее?

Первый сигнал — надо забежать в воду, второй сигнал — выбежать на берег. На какое расстояние забежать, определяют просто: ноги должны чувствовать дно. (Но расстояние это должно быть одинаковым для всех.) Тот, кто первым вернется на берег, победит.

Парное плавание

Разбиваются на пары. Один плывет на груди, только руки работают. Другой, держась за его вытянутые ноги, плывет, помогая себе движениями своих ног. Между парами естественно провести состязание по плаванию на скорость.

Караси и карты

В двух командах, расположившихся в воде, — равное число играющих. Назовем одну «Караси», другую — «Карты». Игроки команды, название которой выкрикнул ведущий (скажем, караси), бросаются врассыпную, а карты стараются их поймать. Через назначенное время игра останавливается и пойманные пересчитываются. Затем команды меняются местами. Кто больше рыбок поймает?

панорама

Динозавры, появившиеся на нашей планете около 200 миллионов лет назад, были самыми распростра-

сам механизм, способствовавший массовому вымиранию? И как удалось уцелеть именно динозаврам? Это могло быть просто случайностью...

няется, что именно ели Христос и его ученики, некоторые живописцы со временем стали украшать их стол все более изысканными кушаньями.

ненными представителями позвоночных на протяжении примерно 160 миллионов лет. Согласно наиболее распространенной гипотезе, они вымерли из-за падения на Землю кометы или метеорита, однако о том, почему они в какой-то момент стали царями животного мира, единого мнения не было.

Американские и тайванские ученые высказали предположение, что это произошло из-за климатических изменений, обусловленных вулканическими извержениями, — это и привело к тому, что все естественные конкуренты динозавров просто вымерли.

В качестве доказательства своей гипотезы исследователи ссылаются на анализ частей окаменелых растений, найденных в застывшей лаве. Эти вулканические породы относятся к тому периоду (так называемому позднему триасовому), когда вымерла половина населявших планету животных, передвигавшихся на четырех конечностях; вместе с ними вымерло около половины всех наземных растений и четверть морских обитателей.

Вулканическая активность способствовала росту количества в атмосфере двуокиси углерода, что могло привести к невиданному глобальному потеплению. Но каков был

Порции еды на картинах, изображающих тайную вечерю, с течением времени становятся все больше и больше. К такому неожиданному открытию пришли ученые из университета графства Корнуолл, что на юго-западе Англии.

Изучив десятки произведений, изображающих последний ужин Иисуса Христа с апостолами, эксперты обнаружили: основные блюда, куски хлеба, да и сами столовые приборы с каждым годом увеличиваются в размерах. Этой тенденции оказались подвержены такие знаменитые живописцы, как Эль Греко, Леонардо да Винчи, Лукас Кранах Старший и Рубенс. Здесь воспроизведены картины венецианцев Джованни Баттиста Тьеполо (XVIII век) и Якопо Бассано (XVI век), а также гравюра Дюрера (XVI век).

Особенно разительно гастрономическая гигантомания прослеживается в период между XVI и XX веками. На картинах, написанных в начале минувшего тысячелетия и в его конце, порции еды различаются уже почти вдвое. Кроме того, поскольку в Библии не уточ-

Художники разных времен изображали то, что видели у себя на столе. Во времена Христа люди были куда более умеренными в еде, нежели теперь.

Да что там тысячелетия! Так, всего 20 лет назад чипсы выпускались в упаковках весом 20 граммов. А сейчас их фасуют в 30-, 50-, а то и 60-граммовые пакеты. Наши представления о разумной достаточности сильно исказились.

Но еще не поздно вернуть все на круги своя. И обществу, и пищевой промышленности стоит задуматься о меньших порциях — таких, какие можно увидеть на первых библей-

ко. Им необходима точная информация о магнитном поле Земли. Десяти секунд воздействия сильного магнита оказывалось достаточно, чтобы бабочки не могли поддерживать вер-

ся впечатление, что ее жестоко убивает старая женщина, которая едва появляется в кадре.

Главный герой «Психо» — Норман Бэйтс в исполнении Энтони

ских полотнах. Ведь размеры, скажем, овощей, фруктов на протяжении столетий остаются неизменными — кто бы их ни изображал.

В леса Мичоакан в нескольких часах езды от Мехико приезжают туристы, чтобы полюбоваться чудом — миллионами бабочек-монархов. Их ярко-оранжевые крылья, от трепетания которых воздух словно дрожит, особенно хороши на фоне зелени кустов и синевы чистого неба. Весной самки монарха покидают леса Мексики и летят на север — в штат Канзас и дальше, чтобы отложить яйца на листьях и стеблях молочая. После того как эти хрупкие создания преодолевают тысячи километров, их крылья оказываются столь изношенными, что они едва могут летать, — им приходится переползать с молочая на молочай.

Удивление вызывает не только расстояние, которые пролетают эти бабочки, но и их система навигации: в поисках пути они используют зрение, обоняние, осязание. И не толь-

ный курс. Солнечный свет также играет важную роль, и удавалось помещать бабочкам, изменяя его силу.

Исследуя навигационную систему монарха, ученые в конце концов обратили более пристальное внимание на антенну насекомого. Это поистине замечательный орган, его функции — регистрировать запах, вибрации воздуха; одновременно он может служить ушами и отслеживать изменения давления. И еще: антенна монарха может обнаруживать свет. Благодаря информации о свете, получаемой антенной, бабочка сохраняет возможность лететь в нужном направлении, даже если дует ветер.

Исполнилось 50 лет фильму Альфреда Хичкока «Психо». Считается, что этот ужасающий шедевр, остающийся непревзойденным, навсегда изменил кинематограф.

В течение первых 45 минут зритель следит за судьбой Мэрион Крэйн (роль которой сыграла Джанет Ли). Он начинает ей сопереживать и именно ее считает главной героиней. Но затем Мэрион Крэйн погибает, когда принимает душ перед сном в тихом мотеле. (Невероятная по силе воздействия сцена!) Создает-

Перкинса. Это довольно странный молодой человек (кстати, правильный перевод названия фильма на русский язык — «Псих»), управляющий близким к разорению семейным мотелем и ухаживающий за свирепой матерью-инвалидом, которая, как потом выясняется, — его второй лик.

После убийства Мэрион Крэйн повествование продолжается с точки зрения Бэйтса, и зрителям придется вникать в его дилемму — нужно ли скрыть ужасное преступление.

Ведя повествование от лица Нормана, режиссер умело манипулирует зрителями. Они верят в невиновность героя и сопереживают ему в его внутренней борьбе. В сцене сразу после убийства в душе показана принадлежавшая Крэйн машина, которая тонет в болоте. В какой-то момент она замирает на поверхности. Тут вы испытываете довольно странное чувство: вам хочется, чтобы машина продолжала тонуть, вам кажется, что Бэйтс не должен пострадать, хотя он и скрывает такое жуткое убийство. Режиссеру удалось сыграть на психологии зрителя так, как до этого не делал ни один из авторов популярных триллеров.

Хичкок и раньше был знаменит своим черным юмором, но ранее он никогда не сочетал его с таким мрачным и жестоким материалом. Сегодня достойным продолжателем этого жанра остается Квентин Тарантино.

Доминик Энгр

1780, 29 августа. В городе Монтобане на юго-западе Франции, в семье профессионального живописца, скульптора, архитектора и музыканта-любителя Энгра родился сын, названный Жан Огюст Доминик. Мальчик рос в атмосфере искусства, отец заботился о развитии его способностей — они проявились очень рано. Берет уроки рисования и игры на скрипке.

1791. Отец отправляет сына в Тулузу для поступления в Академию. Доминик прилежен, он влюблен в искусство. Занимаясь в классах живописи, он не забывает и скрипку. Впрочем, не расстается он со скрипкой до конца своих дней. Эта верность сразу двум Музам послужила рождению крылатого выражения «Скрипка Энгра».

1797. Приезжает в Париж, мечтает учиться у знаменитого Давида, стремившегося в рамках классицизма передать новые веяния времени. Давид был признанным художником революции, другом Робеспьера. Увлечение учителем через некоторое время сменяется холодностью. Гражданский пафос Энгру чужд, он покидает мастерскую Давида, однако почтение к учителю остается неизменным.

1801. Участвует в конкурсе на получение Большой Римской премии. Его картина «Послы Агамемнона у Ахилла» поразила жюри приближенностью к античному идеалу. Премия должна была обеспечить поездку художника в Рим, но на несколько лет эта поездка задержалась. Чтобы пополнить свои скромные средства, Энгр пишет заказные портреты. И сразу же приобретает известность.

1804. Для города Льежа создает «Портрет Наполеона Бонапарта, Первого консула». Избегает романтической аффектации и приподнятости. Спокойная сдержанность не умаляет значительности Первого консула. Но в значительности этой чувствуется официальный холодок. Зато в портрете гравера Демаре лепка лица, изгиб губ, выразительность взгляда притягивают зрителя, заставляя задуматься о неординарной личности этого человека.

1805. Пишет три портрета семьи Ривьер. Каждый полон обаяния, но особенно пленителен портрет шестнадцатилетней мадемуазель Ривьер (**репродукция**). Лучезарно-светлая красочная гамма подчеркивает чистоту и трепетность ее облика. И в то же время в ее прелестном лице жажда чувственных удовольствий и готовность к ним. Но они не были ей суждены. Через год после написания полотна девушка умерла. В своих последующих женских портретах Энгр вспоминал ее черты.

1806–1824. Живет в Италии, сначала во Флоренции, потом в Риме. Его поместили в одном из павильонов Виллы Медичи, в самой же Вилле разместился римский филиал Французской Академии. Проникаясь духом великого города, Энгр все больше убеждается, что единственная заслуга художника — продолжать искусство великих греков и художников Возрождения. Его кредо — «Я охранитель добрых традиций, а не новатор». Он фанатически увлекается Рафаэлем («Рафаэль не только был величайшим живописцем, он был добр, он был всё!»). Пишет с разных точек зрения Рафаэля, различные сюжеты из его жизни, в том числе «Рафаэль и его возлюбленная Форнарина». В заказных портретах этого времени стремится к поиску классической гармоничности. «Портрет мадам Девосе» столь же совершенен, что и лучшие

античные образцы. Но мадам не похожа на скульптуру, она излучает обаяние. Как, впрочем, и все портреты Энгра. Очень часто фоном для портретов художник выбирает панораму Рима. Граф Гурьев изображен на фоне одной из загородных вилл Флоренции, когда небо затянуто предгрозовыми тучами. Это очень эффектный портрет.

Все чаще художник обращается к теме, которая становится одной из излюбленных, — к изображению обнаженного женского тела. В его «Большой одалиске» можно усмотреть мотивы Тициана и Рафаэля. И все же очевидно, что это «ню» принадлежит Энгру, это его почерк, его манера.

1813. Женится на Мадлен Шапель, родственнице своих римских знакомых. Решается на брак, не видя невесты. Тем не менее семейная жизнь четы Энгров была счастливой.

1820. Получает заказ из своего родного города Монтобана на алтарную картину для собора. Сюжет исторический: «Обет Людовика XIII, просящего покровительства Мадонны для Французского королевства». Увлекла его возможность повторить образ рафаэлевской Сикстинской Мадонны. Но в целом композиция получилась достаточно статичной.

1824. Между тем именно эта работа принесла художнику первый официальный успех и признание. Его награждают орденом Почетного Легиона, избирают академиком, он решает переехать в Париж.

1830. Во время июльской революции вместе с Давидом и другими художниками охранял сокровища Лувра. Однако революция не всколыхнула его творческое воображение. В это время он работает над большим полотном для собора в городе Отён «Мучение Святого Симфориона».

1834–1841. Второй итальянский период творчества Энгра. Его назначают директором Французской Академии в Риме. Он с удовольствием отдается педагогической деятельностью.

По возвращении в Париж его осыпают почестями: Луи Филипп приглашает на обед; композитор Берлиоз организует в его честь концерт; Комеди Франсез присылает пожизненный билет на свои спектакли. Творческая активность художника неиссякаема. Правда, все чаще в его созданиях чувствуется академический холодок. Но случаются и очаровательные исключения.

1856. Пишет «Источник» (обнаженная девушка с кувшином на плече). На Теофила Готье картина произвела впечатление «чуда грации и свежести, цветка греческой весны».

1862. Девятый десяток жизни художник начинает работой над большим полотном «Турецкая баня». Энгра упрекали в желании показать слишком большое количество обнаженных женщин. Но им двигала не чувственность: он упивается «симфонией линий».

1876, 17 января. Умирает, простудившись на морозе, провозжая после бала к карете знакомую даму. Его похоронили на кладбище Пер-Лашез. Свою коллекцию картин и скульптур, свои картины и любимую скрипку художник завещал родному Монтобану. Здесь был открыт музей, ему посвященный.

Убеденный сторонник классического искусства, Энгр жил в эпоху великих перемен, когда появились художники, провозгласившие новые художественные задачи и с блеском их решавшие. Это было созвездие имен: Делакруа, Жерико, Курбе, Милле, Домье, художники Барбизонской школы; начинали выставляться импрессионисты. Мир Энгра был неколебим, он оставался верен идеалам античной красоты, пытался постигнуть тайны античной пластики форм. Он сумел вдохнуть жизнь в уже угасающую традицию. Это было под силу только великому таланту.

Л. Осипова

Фото Елены Боковой